

ТОМАС
ХАРРИС

Заключительный роман
саги о Ганнибале Лектере

ВОСХОЖДЕНИЕ
ГАННИБАЛА

Томас Харрис
Восхождение Ганнибала
Серия «Ганнибал Лектер», книга 4
Серия «Томас Харрис. От
автора «Молчания ягнят»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42209619

Восхождение Ганнибала:

ISBN 978-5-699-71755-2

Аннотация

**ЧЕТВЕРТЫЙ РОМАН О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ
ВСЬ МИР ЧИТАЕТ КУЛЬТОВУЮ СЕРИЮ О ГАННИБАЛЕ
ЛЕКТЕРЕ**

Книги о докторе Лектере выходят многомиллионными тиражами, став классикой не только детективно-остросюжетного жанра, но и современного психологического романа.

«Восхождение Ганнибала» – роман о взрослении Лектера и его восхождении к вершинам зла. Это – феноменальная предыстория событий, изложенных Томасом Харрисом в «Красном Драконе», «Молчании ягнят» и «Ганнибале», с огромным успехом экранизированных в Голливуде.

Доктор Ганнибал Лектер – легендарный антигерой нашего времени, гений и злодей одновременно. Что сделало его таким?

Ответ кроется в прошлом героя. Как немой испуганный мальчик с цепью на шее, замерзший в снегах Восточного фронта, мог носить в себе столько демонов? И, несмотря на вновь обретенную семью, эти демоны продолжали навещать и мучить Ганнибала. Пока он не вырос – и не обратился к ним сам...

«Гипнотическая фигура доктора Ганнибала Лектера – культового антигероя современной литературы – встает со страниц романа в полный рост».

Publishers Weekly

«Настоящий учебник по искусству создания напряженного сюжета, абсолютный шедевр, который плавно стремится к своей кульминации... Харрис, наверное, лучший на сегодняшний день автор, работающий в этом жанре».

The Washington Post

«Каждый роман Томаса Харриса – это отшлифованное совершенство».

The Times

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
1	8
2	14
3	21
4	29
5	38
6	43
7	49
8	52
9	59
10	63
11	68
12	72
13	77
14	80
15	84
16	90
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Томас Харрис

Восхождение Ганнибала

Эта книга – литературный вымысел. Все имена, персонажи, места действия и описываемые эпизоды целиком и полностью являются плодом авторского воображения или же используются в вымышленных обстоятельствах. Какое бы то ни было сходство – как с реальными людьми, ныне живущими или умершими, так и с реальными событиями или местностями – совершенно случайно.

Томас Харрис

© Бессмертная И., перевод на русский язык, 2012

© Данилов И., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

Вход во Дворец памяти в мозгу доктора Ганнибала Лектера погружен во тьму, на двери – замок, его можно найти только на ощупь. Портал открывается в огромные, прекрасно освещенные помещения в стиле раннего барокко, в коридоры и палаты, числом соперничающие с Музеем Топкапи.

Повсюду экспонаты, они размещены просторно и замечательно подсвечены, каждый настроен так, что связанное с ним воспоминание в геометрической прогрессии ведет к другим воспоминаниям.

Помещения, отданные самым ранним годам Ганнибала Лектера, отличаются от других архивов тем, что не вполне совершенны. Некоторые сцены статичны, фрагментарны, словно разноцветные аттические черепки, наклепленные на бесцветный гипс. Другие палаты полны движения и звуков, огромные змеи борются между собой, извиваются, вздымаются во тьме, порой разрываемой вспышками света. Мольбы и вопли раздаются в некоторых местах, на тех территориях, куда сам Ганнибал ступить не может. Но в коридорах не отдается эхо этих воплей, а если захотеть, можно услышать музыку.

Дворец памяти – конструкция, начатая Ганнибалом давным-давно, еще в годы учения. В годы же заключения он усовершенствовал и расширил дворец, и хранимые в нем сокоро-

вища поддерживали узника в те долгие периоды, когда тюремщики лишали его книг.

Здесь, в жаркой тьме его мозга, давайте вместе нащупаем замок. А отыскав его, предпочтем услышать музыку в дворцовых коридорах и, не заглядывая ни направо, ни налево, пройдем прямо в Зал начала, где коллекция экспонатов гораздо фрагментарнее всех других.

Мы дополним ее тем, что узнали из других источников, искали в документах времен войны, в полицейских протоколах, слышали в различных интервью, от судебных медиков, разглядели в безмолвной неподвижности мертвых тел. Недавно обнаруженные письма Роберта Лектера могут оказаться полезными в установлении важных дат жизни Ганнибала, который с легкостью менял эти даты, чтобы ввести в заблуждение полицию и биографов. Наши старания помогут нам проследить, как таящийся в душе зверь перестает быть сосунком и, постепенно взрослея и набирая силу, выходит в мир.

Часть I

*Первое, что я понял,
Когда настала пора:
Время – это эхо
Валящего лес топора.*

Филип Ларкин¹

1

Ганнибал Лектер Беспощадный (1365–1428) построил замок Лектер за пять лет, используя труд солдат, захваченных в плен во время битвы при Жальгирисе. В тот самый день, как его флаг взвился на верхушках завершенных башен, он собрал всех пленных в огороде и, взобравшись на козлы, чтобы все могли его слышать, заявил пленным, что отпускает их по домам, как обещал. Многие предпочли остаться у него на службе – уж больно харч тут был хороший.

Пять сотен лет спустя Ганнибал Лектер, восьми лет от роду и восьмой носитель этого имени, стоял в огороде рядом со своей маленькой сестренкой Микой, бросая кусочки хлеба черным лебедям, бороздившим черную воду кре-

¹ Филип Ларкин (1922–1985) – английский поэт и романист.

постного рва. Мика для большей устойчивости ухватилась за руку брата, и ей никак не удавалось добросить хлеб до воды. Огромный сазан качнул листья водяных лилий, спугнув стайку стрекоз.

Но тут лебедь-самец выбрался из воды на берег и на коротких лапах неуклюже заковылял к детям, угрожающе шипя, словно бросая им вызов. Лебедь знал Ганнибала всю свою жизнь, но все же шел на него, вздымая черные крылья – такие огромные, что они скрывали часть неба.

– О-о-ой, Анниба! – произнесла Мика, укрывшись за ногой брата.

Ганнибал поднял распростертые руки на высоту плеч, как научил отец: размах рук увеличивали ивовые ветви, зажатые в кулаках. Лебедь остановился, оценивая более широкий, чем у него самого, размах крыльев Ганнибала, и отступил к воде – покормиться.

– Мы с тобой всякий день это повторяем, – сказал птице Ганнибал.

Однако сегодня день был далеко не всякий, и мальчик задумался о том, куда можно было бы скрыться лебедям.

От волнения Мика уронила хлеб на сырую землю. Когда Ганнибал наклонился, чтобы помочь ей подобрать хлеб, она радостно, растопыренной, словно звездочка, ладошкой шлепнула ему на нос кусочек глины. Он тоже мазнул глиной кончик ее носа, и они хохотали, рассматривая свое отражение в черной воде рва.

Дети почувствовали, как трижды тяжело вздрогнула земля, и вода во рву пошла рябью, исказив отражавшиеся в ней лица. Над полями прокатился отзвук далеких взрывов. Ганнибал подхватил сестренку и бросился к замку.

Во дворе стоял охотничий фургон с впряженным в него огромным битюгом по имени Цезарь. Берндт – конюх, в своем всегдашнем фартуке, и домашний слуга Лотар укладывали три небольших кофра в ящик под сиденьем кучера. Повар готовился принести ланч.

– Мастер Лектер, мадам просит вас подняться к ней, в ее комнату, – сказал повар.

Ганнибал передал Мику няне и побежал наверх по истоптанным каменным ступеням.

Ганнибал очень любил мамину комнату, полную ароматов, с деревянными панелями, украшенными искусно вырезанными лицами, с расписным потолком: мадам Лектер с одной стороны происходила из рода Сфорца, а с другой – из рода Висконти; она привезла свой будуар из Милана.

Сейчас она волновалась, и ее ясные карие с вишневым отливом глаза вспыхивали красноватыми искрами, отражая свет. Ганнибал держал ларец, а его мать нажала на губы херувима, изображенного на стенной панели, и открылся потайной ящичек. Она забрала из ящичка драгоценности и бросила их в ларец вместе с несколькими связанными в пачку письмами; для остальных писем места не хватило.

Ганнибалу подумалось, что она похожа на портрет ее ба-

бушки – камею, тоже только что упавшую в ларец.

...Облака на расписном потолке. Еще младенцем, когда мама его кормила, он, открывая глаза, видел ее грудь на фоне этих облаков, чувствовал прикосновение краешков ее блузы на своем лице. И кормилица – ее он тоже помнил: золотой крестик сверкал, словно солнечный луч меж этими поразительными облаками; когда кормилица держала его у груди, крестик прижимался к его щеке, и она терла ему щеку, чтобы разглядеть след от крестика, прежде чем мадам его заметит.

Но в дверях уже стоял отец с гробсбухами в руках.

– Симонетта, нам пора ехать.

Детское постельное белье было сложено в медную ванночку Мики, и мадам спрятала ларец между простынями. Оглядев комнату, она сняла с подставки на столике небольшую картину – вид Венеции, с минуту смотрела на нее, затем передала ее Ганнибалу.

– Отнеси ее повару. Держи за раму, – сказала она, улыбнувшись ему. – Не смажь то, что на обороте.

Лотар вынес ванночку во двор, к фургону; по двору растерянно бродила Мика, встревоженная необычной суетой вокруг. Ганнибал поднял Мику повыше, и она смогла потрепать Цезаря по морде. Не ограничившись этим, девочка пару раз сжала битюгу нос – может, он подаст голос? Ганнибал

набрал горсть зерна и рассыпал во дворе, изобразив букву «М». Тут же налетели голуби, образовав на земле «М» из живых птиц. А Ганнибал пальцем начертил букву «М» на ладошке Мики: скоро ей исполнится три, и он уже отчаялся верить, что она когда-нибудь научится читать. «М» – значит «Мика», – сказал он ей. Она побежала к голубям, радостно смеясь, и они взлетали вокруг нее, хлопая крыльями, а затем, покружившись над башнями замка, уселись на звоннице.

Повар, массивный, в белой поварской одежде, принес ланч. Цезарь, кося на повара глаз, прислушивался к его действиям, насторожив уши: когда Цезарь был жеребенком, повар не раз гнал его с огорода, выкрикивая ругательства и молотя его по заду метлой.

– Я останусь, помогу вам погрузить кухню, – сказал повару учитель Яков.

– Поезжайте с мальчиком, – отозвался тот.

Граф Лектер поднял Мику в фургон. Ганнибал тотчас же обнял сестру. Граф Лектер прижал ладонь к щеке сына. Мальчик удивился, ощутив в руке отца внутреннюю дрожь, и пристально взгляделся в лицо графа.

– Три самолета бомбили грузовую железнодорожную станцию. Полковник Тимко говорит, у нас есть по меньшей мере неделя, если они вообще сюда доберутся, да и тогда бои пойдут у главных дорог. Мы укроемся в охотничьем домике, и все будет хорошо.

Шел второй день операции «Барбаросса» – Гитлер осуще-

ствил свой молниеносный бросок на Россию через Восточную Европу.

Берндт шел перед фургоном по лесной дороге, следя, чтобы ветви деревьев не хлестали Цезарю морду, отсекая особенно разросшиеся короткой швейцарской алебардой.

Учитель Яков следовал за фургоном на лошади, его седельные сумки были набиты книгами. Ездить верхом он не умел и, проезжая под толстыми ветвями, прижимался к конской шее, обхватив ее обеими руками. Иногда, если дорога поднималась вверх особенно круто, он спешивался и вместе с Лотаром, Берндтом и самим графом Лектером подталкивал фургон. Ветви снова смыкались за ними, скрывая дорогу.

Ганнибал чувствовал запах раздавленной колесами свежей зелени, нежный аромат волос Мики у себя под подбородком – она всю дорогу ехала у него на коленях. Он видел, как высоко над ними пролетели немецкие бомбардировщики. Инверсионные следы самолетов образовали нотный стан, и Ганнибал напел сестренке мелодию, начерченную в небе черными разрывами зенитных снарядов. Мелодия показалась ему не очень приятной.

– Нет, – сказала Мика. – Анниба, пой «Das Mannlein»!²

И они вместе запели песенку о загадочном маленьком человечке, который стоит в лесу. Песенку подхватили няня,

² Das Mannlein (нем.) – маленький человечек. (Здесь и далее прим. перев.)

ехавшая вместе с ними в тряском фургоне, и учитель Яков на своей кобыле, хотя он не любил петь по-немецки.

Ein Mannlein steht im Walde ganz still und stumm,
Es hat von lauter Purpur ein Mantelein um,
Sagt, wer mag das Mannlein sein
Das da steht im Walde allein
Mit dem purpurroten Mantelein?³

Два часа нелегкой дороги привели их на поляну, укрывшуюся под пологом высоких деревьев.

Охотничий домик Лектеров за три столетия превратился из примитивного укрытия в удобный уединенный дом в лесу, деревянно-кирпичный, с очень крутой крышей, чтобы не залеживался снег. Рядом располагался небольшой амбар с двумя стойлами и жильем для obsługi, а за домом – уборная в викторианском стиле, с резным расписным орнаментом; крыша строения едва виднелась над скрывавшей его живой изгородью.

В фундаменте охотничьего домика все еще можно было видеть камни алтаря, воздвигнутого в темные века людьми, поклонявшимися ужу – «травяной змее». А сейчас Ганнибал мог наблюдать, как травяная змея поспешно покидает эти

³ Маленький человечек безмолвно и тихо стоит в лесу, / На нем – маленький плащик ярко-пурпурного цвета, / Скажите-ка, что это может быть за человечек, / Который стоит в лесу совсем один / В своем пурпурно-красном маленьком плащике?..

древние места, когда Лотар принялся обрубить стебли вьющихся растений, мешающих няне открыть окна.

Граф Лектер поглаживал огромного коня, пока тот пил воду – целых полтора галлона – из колодезного ведра.

– Повар упакует кухню к тому времени, как вы вернетесь, Берндт. Цезарь сможет провести эту ночь в своем собственном стойле. А вы с поваром отправитесь сюда, как только займется рассвет, не позже того. Я хочу, чтобы вы к утру были уже далеко от замка.

Владис Грутас вошел во двор замка Лектер, изобразив на лице такое приятное выражение, на какое только был способен; входя, он обвел окна внимательным взглядом. Помахал рукой и крикнул: «Алло!»

Грутас был худощав, с грязноватыми светлыми волосами, в штатской одежде; глаза у него были такими бледно-голубыми, что казались просто кружочками пустого неба. Он снова крикнул: «Алло, там, в доме!» Ответа не последовало, и он прошел внутрь через черный ход. На полу в кухне он обнаружил ящики с провиантом, готовые к отправке. Он поспешно сунул кофе и сахар к себе в сумку. Дверь в подвал была открыта. Он посмотрел вниз и увидел у конца длинной лестницы свет.

Вторжение в логово другого существа – древнейшее табу. У некоторых извращенцев нарушение табу вызывает холодящее чувство возбуждения: так оно случилось и сейчас.

Грутас стал спускаться по лестнице, вдыхая прохладный, словно в пещере, воздух сводчатых подземелий замка. Заглянув сквозь арку, он увидел, что решетка, запирающая винный погреб, открыта.

Слышалось какое-то шуршание. Грутасу были видны стеллажи от пола до потолка, заполненные рядами винных бутылок, на каждом стеллаже – ярлык; увидел он и огромную тень повара, передвигающуюся по помещению: повар работал при свете двух фонарей. На дегустационном столе в самом центре комнаты лежали квадратные, аккуратно упакованные свертки, а рядом с ними – небольшая картина в изящной раме.

Грутас оскалил зубы, когда огромная фигура повара – этого ублюдка! – стала ему видна. Сейчас повар стоял к нему спиной, что-то делая на столе. Шуршала бумага.

Грутас прижался к стене в тени лестницы.

Повар завернул картину в бумагу и обмотал бечевкой – получился такой же сверток, как все остальные. Держа в одной руке фонарь, он поднял другую вверх и потянул металлический канделябр, висевший над дегустационным столом. Раздался щелчок, и в конце винного погреба один из стеллажей на несколько дюймов отошел от стены. Повар отодвинул стеллаж, громко скрипнули петли. За стеллажом оказалась дверь.

Повар вошел в потайную комнату за винным погребом и повесил там один из фонарей. Затем отнес туда свертки. Ко-

гда, стоя спиной ко входу, он задвигал на место стеллаж с винными бутылками, Грутас пошел наверх по лестнице. Он услышал выстрел во дворе и голос повара снизу:

– Кто там?

Повар бежал за ним по лестнице, очень быстро для такого крупного человека.

– Эй ты! Стой! Тебе запрещено сюда являться!

Грутас промчался через кухню во двор, размахивая руками и свистя.

Повар схватил длинную крепкую палку, стоявшую в углу, и побежал через кухню к выходу во двор, но увидел в дверях силуэт человека в каске, очертания которой не вызывали сомнений. Три немецких парашютиста с автоматами вошли в дом. За ними следовал Грутас.

– Привет, поварище! – произнес он и поднял копченый окорок из ящика на полу.

– А ну клади мясо на место, – приказал немецкий капрал, направив оружие на Грутаса с такой же готовностью, с какой угрожал повару. – Пошел вон, ходи с патрулем.

Путь к замку был много легче – дорога шла вниз, и с пустым фургоном Берндт ехал гораздо быстрее; он намотал вожжи на руку повыше кисти и закурил трубку. Когда он приближался к краю леса, ему показалось, что с верхушки дерева взлетает большой аист. Подъехав ближе, он разглядел, что бьющие по воздуху белые крылья – это ткань пара-

шюта, застрявшего в густых ветвях. Он отложил трубку и соскользнул с сиденья. Прикрыв рукой морду Цезаря, он тихонько сказал что-то ему в ухо. Потом осторожно двинулся вперед пешком.

На нижнем суку дерева висел человек в грубой штатской одежде. Он был повешен совсем недавно, проволочная петля впиалась в его шею, лицо почернело, испачканные глиной башмаки на фут не доставали до земли. Берндт поспешно бросился к фургону, ища место, где можно было бы развернуть его на узкой дороге. Его собственные башмаки выглядели как-то странно, когда он смотрел, куда бы прочнее поставить ногу на неровной почве.

И тут они вышли из-за деревьев – трое немецких солдат с капралом во главе и шестеро штатских. Капрал посмотрел на Берндта и оттянул затвор автомата. Берндт узнал одного из штатских.

– Грутас, – проговорил он.

– Берндт, зубрила Берндт! Он всегда так хорошо учил уроки, – сказал Грутас и направился к Берндту с улыбкой, довольно дружелюбной на вид. – Он умеет управляться с конем, – сказал Грутас немецкому капралу.

– Может, он твой приятель? – спросил капрал.

– Может, нет, – ответил Грутас и плюнул Берндту в лицо. – Я же повесил того, другого, нет, что ли? А его ведь я тоже знал. Зачем нам пешком-то идти? – И шепотом: – Я его в замке пристрелю, если вы мне мой пистолет хоть на время

вернете.

3

Блицкриг, молниеносная война Гитлера, шла быстрее, чем кто бы то ни было мог себе представить. Берндт обнаружил, что в замке расположилась рота дивизии СС «Мертвая голова»; два танка стояли у крепостного рва, с ними – самоходное противотанковое орудие и несколько полугусеничных вездеходов.

Садовник Эрнст лежал вниз лицом в огороде, голову его облепили мясные мухи.

Все это Берндт увидел с кучерского сиденья. В фургоне ехали только немцы. Грутас и все остальные шли следом за фургоном. Они ведь всего лишь *Hilfswillige*, или хивисы, – местные жители, добровольно помогающие нацистским оккупантам.

Высоко на башне замка Берндт заметил двух солдат: они спустили флаг рода Лектеров с изображением дикого кабана и теперь устанавливали на его месте радиантенну и флаг со свастикой.

Майор в черной форме СС, с изображением черепа и знаками различия дивизии «Мертвая голова», вышел из замка и оглядел Цезаря.

– Очень хорош, но слишком широк для верховой езды, – огорченно произнес он: он взял с собой бриджи и шпоры, чтобы для отдыха и восстановления сил ездить верхом. – А

вот другая лошадь подойдет.

Следом за майором из дома вышли два эсэсовца, толчками гнавшие перед собой повара.

– Где все семейство?

– В Лондоне, господин офицер, – ответил Берндт. – Можно, я накрою тело Эрнста?

Майор махнул рукой капралу, тот сунул дуло «шмайссера» Берндту под нос.

– А кто накроет твое? А ну понюхай, чем дуло пахнет? Оно еще не остыло. Запросто выбьет и твои гребаные мозги, – сказал майор. – Куда подевалось все семейство?

– Сбежали в Лондон, господин офицер.

– Ты что, еврей?

– Нет, господин офицер.

– Цыган?

– Нет, господин офицер.

Майор взглянул на пачку писем, взятых с одного из письменных столов в доме.

– Тут вот письма для какого-то Якова. Это ты – еврей Яков?

– Это учитель, господин офицер. Он давно уехал. Майор осмотрел уши Берндта – не проколоты ли мочки?

– Покажи капралу свой хрен, – приказал он. Потом спросил: – Убить тебя или будешь работать?

– Господин майор, все эти люди хорошо знают друг друга, – сказал капрал.

– Ах вот как! Может, они даже нравятся друг другу? – Он повернулся к Грутасу. – Может, вы любите своих земляков даже больше, чем нас, а, хивис? – Майор снова обратился к капралу: – Как ты полагаешь, они нам и правда могут понадобиться?

Капрал повел «шмайссером» в сторону Грутаса и его товарищей.

– Этот повар – еврей, – сказал Грутас. – Вот вам полезная местная информация. Только позвольте ему для вас готовить, и вы все через час помрете от жидовского яда. – Он вытолкнул вперед одного из своих людей. – Вот Кухарь, он и готовить умеет, и провиант добывать, и солдат хороший.

Грутас вышел на середину двора. Он двигался медленно, дуло капралова «шмайссера» неотрывно следовало за его движениями.

– Господин майор, я вижу: у вас кольцо и дуэльные шрамы Гейдельберга. А здесь – военная история вроде той, что вы и сами сейчас творите. Вот этот камень – Вороний камень Ганнибала Беспощадного. Здесь погибли некоторые из самых доблестных тевтонских рыцарей. Разве не настала пора омыть этот камень еврейской кровью?

Майор высоко поднял брови.

– Так ты хочешь вступить в ряды СС? Посмотрим, как ты сумеешь это заслужить.

Майор кивнул капралу. Эсэсовец достал из кобуры пистолет, выщелкнул из обоймы все патроны, кроме одного, и

протянул Грутасу. Два штурмовика подтащили повара к Вороньему камню.

Казалось, майора гораздо больше интересовала лошадь, которую он принялся осматривать. Грутас приставил пистолет к голове повара и стал ждать, пока майор на него взглянет. Повар плюнул в Грутаса.

Прогремел выстрел; с башен замка взлетели ласточки.

Берндту поручили переставить мебель в комнатах наверху, где разместились офицеры. Он проверил свою одежду – не обмочился ли он от страха? В комнатушке под крышей работал радист, слышались то морзянка, то голос радиста, прерываемые атмосферными помехами. Вскоре радист побежал вниз с блокнотом в руке и спустя несколько минут вернулся – забрать оборудование. Они двигались вперед, на восток.

Из верхнего окна Берндт мог видеть, как эсэсовцы передавали переносную радиостанцию из танка маленькому гарнизону, который оставался в замке. Грутас и его обшарпанные сотоварищи, которым теперь выдали немецкое оружие, вытаскивали из кухни все, что там было, и грузили на вездеход, в котором уже сидели солдаты вспомогательной команды.

Солдаты погрузились в вездеходы. Грутас поспешно выбежал из замка, чтобы успеть уехать со всеми. Часть двинулась в Россию, прихватив с собой Грутаса и других хивисов. Казалось, о Берндте они напрочь забыли.

В замке оставили взвод солдат, вооруженных фаустпатро-

нами, пулеметом и переносной радиостанцией. Берндт дотемна просидел в старой уборной в одной из башен. Весь маленький гарнизон ужинал на кухне, поставив во дворе только одного часового. В кухонном буфете солдаты отыскивали шнапс. Берндт вышел из уборной, благодарный каменным полам и ступеням за то, что они не скрипят.

Он заглянул в комнату, где немцы поставили радио. Радио стояло на туалетном столике мадам, флаконы с духами были сброшены на пол. Берндт смотрел на все это. Он думал об Эрнсте, убитом в огороде, о поваре, с последним вздохом плюнувшим в Грутаса. Он проскользнул в комнату. Его охватило чувство, что он должен извиниться перед мадам за непрошеное вторжение. Затем он спустился по черной лестнице в носках, неся башмаки в одной руке, а две укладки с радио и зарядным устройством – в другой, и вышел через потайные ворота для вылазок. Тащить радио и ручной генератор было нелегко, они вместе весили более двадцати кило. Берндт дотащил тяжелую ношу до леса и спрятал. Жалко, что нельзя было забрать коня.

Сумерки. Свет пылающего в камине огня играет на крашеных панелях охотничьего домика, отражается в запылившихся стеклянных глазах охотничьих трофеев. Вся семья собралась перед камином. Головы животных на стенах очень старые, поколения сменялись поколениями, и от поглаживания детских ладошек, все прошедшие годы тянувшихся к

ним через перила верхней лестничной площадки, многие из них облысели.

Няня поставила медную ванночку Мики на угол каменной плиты перед камином. Добавила воды из чайника, чтобы добиться нужной температуры, взбила пену и посадила Мику в ванночку. Девочка радостно зашлепала ладошками по пене. Няня принесла полотенца и стала подогрывать их у огня. Ганнибал снял детский браслет с руки Мики, окунул его в пену и принялся выдувать через браслет мыльные пузыри для сестренки. Влекомые каминной тягой, в своем недолгом полете пузыри отражали освещенные пламенем лица сидящих, пока не лопались над огнем. Мике нравилось тянуться за пузырями, она даже пыталась их ловить, но ей очень хотелось вернуть браслет, и она не успокоилась, пока он снова не оказался у нее на руке.

А мама Ганнибала наигрывала на пианино какую-то мелодию барокко.

Чуть слышная музыка, окна, занавешенные одеялами, как только спустилась ночь, темные крылья леса, сомкнувшиеся вокруг... Берндт вернулся совершенно изможденный, и музыка прекратилась. В глазах графа Лектера стояли слезы, когда он слушал рассказ Берндта. Мадам взяла руку Берндта и успокаивающе ее гладила.

Немцы сразу же стали называть Литву «Остланд» – «Восточной землей», колонией Третьего рейха, которую со вре-

менем, после того как низшие формы жизни, то есть славяне, будут ликвидированы, можно заселить арийцами. Колонны немецких солдат шли по обычным дорогам, немецкие поезда – по дорогам железным, неся на себе артиллерийские орудия, – на восток, на восток.

Русские истребители-бомбардировщики бомбили немецкие колонны, атаковали их с бреющего полета. Огромные штурмовики «Ильюшин», прилетая из России, наносили по немцам мощные удары, несмотря на интенсивный обстрел из зениток, установленных на поездных платформах.

Черные лебеди летели так высоко, как только могли, – четыре черных лебедя, один за другим, не гуськом, а как бы ступами. Они летели, вытянув шеи, стремясь к югу; занималась заря, высоко над ними ревели моторы самолетов.

Взрыв зенитного снаряда, и вожак уронил крылья на взмахе, начав долгое падение вниз. Другие птицы повернули назад, оглашая воздух криками, описывая широкие круги и постепенно теряя высоту. Раненый лебедь тяжело ударился о землю в открытом поле; он не шевелился. Его подруга опустилась рядом с ним, подтолкнула его клювом и стала ходить вокруг него, издавая тревожные клики.

Лебедь не двигался. На поле разорвался снаряд, среди деревьев на краю луга показались русские пехотинцы. Немецкий танк перевалил через канаву и двинулся по лугу, паля из пулемета в сторону деревьев. Он надвигался, надвигался...

Лебедь-самка распростерла крылья и встала над погибшим, не сходя с места, хотя танк был гораздо шире, чем размах ее крыльев, а мотор стучал громче, чем ее дико бьющееся сердце. Она стояла над погибшим, шипя и нанося танку удары мощными крыльями до самого конца, а танк прошел над ними, так ничего и не заметив, унося на гусеницах месиво из птичьей плоти и перьев.

Семья Лектер пережила в лесу три с половиной ужасных года гитлеровского похода на восток. Длинная лесная дорога к охотничьему домику зимой бывала завалена снегом, а весной зарастала зеленью, болотистая почва вокруг даже летом была слишком топкой для танков.

В домике хранились довольно большие запасы муки и сахара, позволившие им продержаться первую зиму, но важнее всего оказался запас соли, хранившейся в нескольких ящиках. Во вторую зиму они нашли в лесу убитую и замороженную лошадь. Им удалось разрубить ее на куски и засолить мясо. А еще они засолили куропаток и рыбу – форель.

Иногда по ночам из леса приходили люди в штатской одежде, тихие, словно тени. Граф Лектер и Берндт разговаривали с ними по-литовски, а как-то раз они принесли раненого, его рубашка промокла от крови; он умер на тюфяке в углу, пока няня отирала ему лицо.

Каждый день, если снег был слишком глубокий и нельзя было идти добывать еду, учитель Яков давал уроки. Он преподавал английский и французский (французский сам он знал очень плохо), излагал историю Римской империи, особенно подробно рассказывая об осадах Иерусалима. На его уроках присутствовали все. Рассказы об исторических событиях он превращал в драматические повествования, а сцены из Вет-

хого Завета так расцветивал для своих слушателей, что его занятия выходили довольно далеко за строгие рамки учебного курса.

Уроки математики он проводил с Ганнибалом отдельно, поскольку они достигли уровня, недоступного остальным.

Среди книг учителя Якова был переплетенный в кожу экземпляр «Трактата о свете» Христиана Гюйгенса ⁴. Книга увлекла Ганнибала, его завораживала возможность следовать за ходом мысли Гюйгенса, понимать, как его размышления ведут к открытию. Ганнибал видел связь прочитанного в «Трактате о свете» со сверканием снега и с радужными преломлениями лучей в стеклах старых окон. Изящество рассуждений Гюйгенса было подобно чистоте зимы и простоте ее линий, строению древесного листа, ясно видимого на его нижней стороне. Слово он с легким щелчком открыл шкапу, а там – принцип, срабатывающий каждый раз: ожидаемое радостное волнение, которое Ганнибал испытывал с тех пор, как научился читать.

Читать Ганнибал Лектер умел всегда, во всяком случае так полагала няня. Она сама читала ему вслух очень недолго, когда ему было два года, чаще всего сказки братьев Гримм, иллюстрированные гравюрами на дереве, где у всех персонажей почему-то на пальцах ног были заостренные ногти. Он слушал чтение няни, прижавшись к ней склоненной головой и разглядывая слова на странице, а потом вдруг она нашла

⁴ Христиан Гюйгенс (1629–1695) – нидерландский естествоиспытатель.

его самого за этим занятием. Он прижимался лбом к книжке, а потом отталкивал ее на фокусное расстояние и читал вслух с няниными интонациями.

Одной из самых характерных черт графа Лектера была любознательность. Удовлетворяя свою любознательность в отношении собственного сына, граф приказал слуге снять с полок в библиотеке замка тяжеленные словари – английский, немецкий и двадцатитрехтомный литовский – и оставил Ганнибала один на один с этими книгами.

Когда мальчику исполнилось шесть лет, в его жизни произошли три важных события. Во-первых, он обнаружил Евклидовы «Начала» – старинное издание с рисованными иллюстрациями. Он мог водить по рисункам пальцем и прижимался к ним лбом.

Той же осенью ему подарили крохотную сестренку – Микку. Он решил, что она похожа на маленькую, сморщенную красную белочку. Он пожалел про себя, что она совсем не похожа на маму.

Чувствуя, что на его права посягают со всех сторон, он подумал, что было бы очень удобно, если бы орел, порой паривший над замком, подхватил бы сестренку и осторожно отнес ее в какой-нибудь счастливый крестьянский дом в далекой стране, где все жители похожи на белок и она там окажется вполне на своем месте. В то же время он обнаружил, что любит сестренку – непонятно, как и почему, но с этим ничего не поделаешь. Ему хотелось, когда она подрастет и

научится задавать вопросы, показывать ей всякие разные вещи: ему хотелось, чтобы она обрела чувство открытия.

Кроме того, в год, когда Ганнибалу исполнилось шесть, граф Лектер увидел, как его сын пытается определить высоту замковых башен по длине их теней, следуя инструкциям, полученным, как заявил мальчик, от самого Евклида. Тогда граф Лектер решил дать ему воспитателя получше: через шесть недель из Лейпцига прибыл учитель Яков, очень ученый, но без гроша в кармане.

Граф Лектер познакомил учителя Якова с его учеником и оставил их вдвоем в библиотеке. В теплую погоду в библиотеке витал аромат остывшего дымка, пропитавший каменные стены замка.

- Папа сказал, вы многому меня научите.
- Если ты захочешь многое узнать, я сумею тебе помочь.
- Он говорит – вы большой ученый.
- Я студент.
- Он говорил маме, что вас исключили из университета.
- Да.
- Почему?
- Потому что я еврей, точнее говоря – ашкенази, то есть европейский еврей.
- Я понимаю. Вы чувствуете себя несчастным?
- Из-за того, что я еврей? Нет, я рад этому.
- Нет, я хотел сказать... несчастным из-за того, что пришлось бросить учебу.

– Я рад, что я здесь.

– Вам, наверное, интересно бы узнать, стою ли я того, чтобы вы тратили на меня свое время?

– Каждый человек стоит того, чтобы тратить на него время, Ганнибал. Если на первый взгляд человек кажется неумным, посмотри попристальней, загляни к нему *внутрь*.

– Вас поместили в ту комнату, где дверь с железной решеткой?

– Да.

– Она больше не запирается.

– Мне приятно было это увидеть.

– Там держали дядю Элгара, – объяснил Ганнибал, укладывая ручки в рядок перед собой. – Это было в тысяча восемьсот восьмидесятые годы, еще до меня. Вы посмотрите на оконное стекло в той комнате. Он там выцарапал одну дату, алмазом на стекле. А вот его книги.

Ряд огромных томов в кожаных переплетах занимал всю полку. Последний том обгорел.

– В дождь в комнате будет пахнуть дымом. Стены в ней были обложены тюками сена, чтобы заглушить его высказывания.

– Ты сказал – «его высказывания»?

– Они все были про религию, но... Вы знаете, что значит слово «непристойный» или «непристойность»?

– Да.

– Сам-то я не совсем ясно представляю значение этих

слов, но думаю, они означают что-то такое, что нельзя было бы произнести при маме.

– Я тоже так это себе представляю, – ответил учитель Яков.

– Если вы посмотрите на дату на стекле, это точно тот день, когда прямой солнечный свет каждый год падает на дядино окно.

– Он ждал солнца?

– Да. И в тот самый день он сгорел в своей комнате. Как только солнечный свет упал на его окно, он поджег сено мотоклем, который надевал, когда сочинял свои книги.

Потом Ганнибал познакомил учителя с замком Лектер и провел вокруг замка. Они прошли по двору мимо огромного камня. В камень было вделано кольцо для привязывания, а на плоской поверхности камня виднелись шрамы от топора.

– Твой отец говорил, что ты измерил высоту башен.

– Да.

– И какой же они высоты?

– Южная башня сорок метров, а другая на полметра короче.

– А что ты использовал как гномон?⁵

– Этот камень. Измерил высоту камня и длину его тени и в тот же час измерил тень замка.

– Бок камня не вполне вертикален.

⁵ Гномон – столбик-указатель или стрелка солнечных часов; указатель высоты солнца.

– А я использовал свой йо-йо ⁶как отвес.

– А разве ты мог сделать все измерения одновременно?

– Нет, учитель Яков.

– Какая погрешность могла у тебя возникнуть из-за времени, прошедшего между измерениями тени?

– Один градус каждые четыре минуты, как Земля вращается. А камень называется Вороний, то есть Камень ворона. Няня зовет его по-немецки – Rabenstein. Ей не разрешают меня на него сажать.

– Понятно, – сказал учитель Яков. – Тень у него значительно длиннее, чем я думал.

У них вошло в обычай вести беседы во время прогулок, и Ганнибал, семенивший рядом с учителем, видел, как тот старается приспособиться к тому, что разговаривает с мальчиком много ниже его ростом. Порой учитель Яков поворачивал голову в сторону Ганнибала и произносил слова в воздух высоко над ним, словно забыв, что разговаривает с ребенком. Наверное, он скучает по прогулкам и беседам с кем-нибудь его возраста, думал тогда Ганнибал.

Ганнибалу было интересно наблюдать, как учитель Яков строит отношения со слугой Лотаром и конюхом Берндтом. Оба они были людьми грубовато-добродушными, хорошо знавшими свое дело. Но совершенно иного склада ума. Ганнибал видел, что учитель Яков вовсе не пытается скрывать

⁶ Йо-йо – детская игрушка «чертик на ниточке».

свои мысли, но и не выставляет напоказ свое интеллектуальное превосходство, никогда ни с кем не вступая в споры. В свободное время он учил их пользоваться самодельным теодолитом, обозревая окрестности. Ел учитель Яков вместе с поваром, из которого ему удалось вытащить несколько слов на успевшем сильно заржаветь идише, что вызвало изумление у всей семьи.

Части древней катапульты, которую Ганнибал Беспощадный использовал, воюя с тевтонскими рыцарями, хранились в амбаре на территории замка, и в день рождения Ганнибала учитель Яков, Лотар и Берндт собрали катапульту, заменив плечо метательной ложки новым крепким брусом. С его помощью они метнули двухсотлитровую бочку воды выше замка, и она упала с потрясающим взрывом на дальнем берегу крепостного рва, распугав плававших в нем птиц.

В ту неделю Ганнибал испытал самое острое чувство удовольствия за все время своего детства. В качестве подарка на день рождения учитель Яков продемонстрировал ему геометрическое доказательство теоремы Пифагора, используя изразцы и их отпечатки на песчаной грядке. Ганнибал смотрел на них, ходил вокруг. Учитель Яков поднял один из изразцов и приподнял брови, как бы спрашивая, не хочет ли Ганнибал снова увидеть это доказательство. И тут Ганнибал понял. Он все понял одним рывком. Ощущение было такое, что его забросили вверх из катапульты.

Учитель Яков редко приносил учебники на их беседы и

очень редко ими пользовался. Когда Ганнибалу исполнилось восемь, он спросил его: почему?

– А ты хотел бы все помнить? – спросил в ответ учитель Яков.

– Да.

– Помнить – не всегда благо.

– Я хотел бы все помнить.

– Тогда тебе нужен Дворец памяти, чтобы все в нем хранить. Дворец, созданный в твоём мозгу.

– А это должен быть дворец?

– Он станет разрастаться, будет огромным, как дворец, – объяснил учитель Яков. – Его можно сделать ещё и очень красивым. Какую самую красивую комнату ты знаешь, знаешь лучше других?

– Мамину комнату, – ответил Ганнибал.

– Вот оттуда мы и начнем, – сказал учитель Яков.

Ганнибал с учителем дважды наблюдали, как солнечные лучи весной касались окна дяди Элгара. Но в третью весну они уже прятались в лесу.

Зима, 1944/45 г.

Когда рухнул Восточный фронт, русская армия лавиной покатилась по Восточной Европе, оставляя за собой дымящиеся пепелища, населенные голодающими и умирающими от ран и истощения.

Русские наступали с востока и юга, Третий и Второй Белорусские фронты дошли до самого Балтийского моря, гоня перед собой разбитые части отступающих дивизий СС, отчаянно пытавшихся добраться до побережья, откуда они надеялись морем эвакуироваться в Данию.

Амбициям добровольных помощников СС – хивисов пришел конец. После того как они верой и правдой убивали и грабили, расстреливали евреев и цыган, чтобы услужить своим хозяевам-нацистам, никто из них так и не был принят в ряды СС. Их называли *Ostgruppen* – «Восточные части» и практически не считали солдатами. Тысячи хивисов были отправлены в трудовые батальоны, на рабский труд, часто приводивший к смерти. Однако некоторым удалось дезертировать и заняться собственным «предпринимательством»...

Красивая литовская усадьба недалеко от польской границы, дом открыт с одной стороны, словно кукольный домик: это взрывом артиллерийского снаряда снесло одну из стен.

Владельцы усадьбы – вся семья, – застигнутые в подвале врасплох первым взрывом и погибшие от второго, лежат на полу в кухне первого этажа. Убитые солдаты – немцы и русские – лежат в саду. Немецкая штабная машина, перевернувшаяся набок, полуразорвана надвое попавшим в нее снарядом.

На диване в гостиной, лицом к камину, сидел майор СС; на брючинах у него застыла кровь. Его капрал снял с кровати в спальне одеяло и укрыл им офицера. Он разжег камин, но ведь гостиная открыта небу! Капрал стащил сапог с ноги майора и увидел, что у того почернели пальцы. Тут он услышал шум снаружи. Он снял с плеча карабин и подошел к окну.

Полугусеничная санитарная машина, «ЗИС-44» российского производства, но с опознавательными знаками Международного Красного Креста, грохотала по усыпанной гравием подъездной аллее.

Первым из машины вышел Грутас с белым полотнищем.
– Мы из Швейцарии. У вас имеются раненые? Сколько вас?

Капрал оглянулся на офицера:

– Медики, господин майор. Поедете с ними?

Майор кивнул.

Грутас и Дортлих, на голову выше своего сотоварища, вынесли из машины носилки.

Капрал спустился к ним – объяснить.

– Вы с ним полегче, – сказал он. – Он ранен в ноги. И пальцы ног отморожены. Может, гангрена от отморожения начинается. Вы что, от полевого госпиталя?

– А как же! – ответил Грутас. – Но я могу и здесь оперировать.

И он дважды выстрелил капралу в грудь. Пули выбили облачка пыли из его мундира. Ноги у капрала подкосились, он упал; Грутас перешагнул через труп, вошел в дверь и сразу же выстрелил в укрытого одеялом майора.

Милко, Кольнас и Гренц высыпали наружу из задней двери машины. Форма на них была самая разная – литовской полиции, эстонского медкорпуса, Международного Красного Креста, но у всех на рукавах красовались повязки с большими эмблемами фронтовых медслужб.

Для того чтобы раздеть мертвеца, мародерам приходится много раз наклоняться, тратить массу усилий... Они кряхтели и ворчали, разбрасывая бумаги и фотографии из бумажников. Майор был еще жив. Он протянул к Милко руку, тот снял с руки раненого часы и сунул к себе в карман.

Грутас и Дортлих вынесли из дома свернутые в рулон ковры и закинули их в машину. Положили парусиновые носилки на землю и вытряхнули на них часы, очки в золотой оправе, кольца.

Из леса выполз танк, русский Т-34 в зимней маскировке. Его пушка вращалась, держа под прицелом все поле. В открытом люке виднелся пулеметчик.

Какой-то человек, прятавшийся в сарае за фермерским домом, выбежал из своего укрытия и бросился бежать через поле к лесу, перескакивая через трупы и прижимая к себе настольные часы из золоченой бронзы.

Из танка застрекотал пулемет; бежавший мародер упал вперед лицом и, перевернувшись набок, остался лежать рядом с часами; циферблат часов был разбит вдребезги, как и лицо грабителя, а его сердце остановилось одновременно с ходом часов.

– Подберите труп, быстро! – сказал Грутас.

Они швырнули труп на носилки, скрыв награбленное. Башня танка повернулась в их сторону. Грутас помахал белым флагом и показал на эмблему Красного Креста на машине. Танк двинулся дальше.

Последний осмотр дома. Майор был все еще жив. Когда Грутас проходил мимо него, тот схватил его за брючину, обнял его ногу обеими руками и не отпускал. Грутас наклонился к нему, схватился за знаки принадлежности к частям СС на воротнике майора.

– Нам обещали, что мы получим такие же черепа, – сказал он. – Может, теперь черви найдут один из них под кожей твоего лица.

И он выстрелил майору в грудь. Майор выпустил ногу Грутаса и взглянул на свою руку, лишенную часов, словно желая узнать время собственной смерти.

Санитарная машина, подпрыгивая на неровностях, пере-

секала поле, давя гусеницами убитых, и, когда добралась наконец до леса, Гренц вышвырнул труп прочь.

Высоко над ними вслед русскому танку с ревом бросился немецкий пикирующий бомбардировщик «Штука», его пулеметы неистовствовали. Укрывшись под пологом леса в наглухо закрытом танке, экипаж слышал, как неподалеку в чаще взорвалась бомба и по бронированному корпусу забарабанили щепки и осколки.

6

– А вы знаете, какой сегодня день? – спросил Ганнибал за завтраком, подняв глаза от тарелки с овсянкой. – Сегодня – день, когда солнце приходит прямо в окно дяди Элгара.

– В какое время оно приходит? – спросил учитель Яков, будто бы сам этого не знал.

– Оно выглянет из-за башни в половине одиннадцатого.

– Это ведь было в тысяча девятьсот сорок первом, – сказал учитель Яков. – Ты что же, хочешь сказать, что момент появления солнца будет тот же самый?

– Да.

– Но ведь реально год длиннее, чем триста шестьдесят пять дней.

– Но, учитель Яков, этот год – следующий после високосного. И тысяча девятьсот сорок первый, когда мы в последний раз наблюдали появление в окне солнца, был тоже после високосного.

– Тогда что же, календарь так точно откорректирован или мы живем грубыми допущениями?

В камине с треском вспыхнул терновник.

– Я думаю, это два отдельных вопроса, – сказал Ганнибал. Учитель был доволен, но его ответом стал новый вопрос:

– А год двухтысячный будет високосным?

– Нет... Ой, да, да, он будет високосным.

– Но он же делится на сто! – возразил учитель Яков.

– Но он делится еще и на четыреста! – ответил Ганнибал.

– Совершенно верно, – заметил учитель. – И это будет первым применением григорианского правила. Может быть, в тот день, пережив все грубые поправки, ты вспомнишь о нашем разговоре. В этом странном месте. – Он поднял свою чашку, словно бокал. – В будущем году – в замке Лектер!

Первым услышал этот шум Лотар, когда набирал воду: рокот двигателя на низких оборотах и треск ломающихся ветвей. Он оставил ведро у колодца и в спешке влетел в дом, не отерев ног.

Советский танк Т-34, в зимней маскировке из снега и соломы, ломился на поляну по конской тропе. На башне русскими буквами было начертано: «Отомстим за наших советских девушек!» и «Уничтожим фашистскую заразу!». За башней танка, над двигателем, примостились двое солдат в белых маскхалатах. Башня повернулась, пушка танка целила в охотничий домик. Крышка люка откинулась, и пулеметчик в белой зимней одежде с капюшоном встал за пулемет. В другом люке появился командир экипажа с мегафоном в руке. Он повторил свое обращение по-русски и по-немецки, стараясь перекричать дизельный грохот двигателя:

– Нам нужна вода, вреда мы вам не причиним, пищу не отберем, если из дома никто стрелять не станет. Если нас обстреляют, все вы будете убиты. А теперь выходите. Пуле-

метчик, заряжай, держи их под прицелом! Если не увидишь их лиц, когда кончу считать, стреляй.

Раздался громкий щелчок – это боец оттянул затвор пулемета.

Граф Лектер вышел из дома и встал на самом солнце очень прямо, так, чтобы были видны его руки.

– Берите воду. Вам от нас вреда не будет.

Командир танка убрал мегафон.

– Всем выйти, чтобы я всех видел!

Граф и командир танка обменялись долгими взглядами. Командир показал графу пустые ладони, граф сделал то же самое. Граф повернулся к дверям дома:

– Выходите.

Когда командир увидел все семейство, он сказал:

– Дети могут оставаться в доме, в тепле. – Потом – пулеметчику и экипажу: – Держите их под прицелом. Следите за верхними окнами. Запускайте насос. Разрешаю курить.

Пулеметчик поднял на лоб защитные очки и закурил папиросу. Он казался совсем мальчишкой, кожа вокруг глаз была светлее всего лица. Он заметил Мику, выглядывавшую из-за двери, и улыбнулся ей.

Среди канистр для горючего и воды на танке был закреплен бензиновый насос, который запускался шнуром.

Водитель танка спустил в колодец шланг с сетчатым фильтром на конце и принялся дергать за шнур. После многочисленных попыток насос наконец затарахтел, завизжал и при-

нялся за работу.

Из-за этого шума никто не мог услышать пронзительный вой бомбардировщика «штука» до тех пор, пока он не появился почти прямо над ними. Пулеметчик поворачивал пулемет, целясь в самолет, пытаясь поднять дуло повыше; он стрелял и стрелял, а пулеметы бомбардировщика прошивали землю вокруг. Патроны с визгом отскакивали от танка, пулеметчик был ранен, но продолжал отстреливаться здоровой рукой.

Лобовое стекло «штуки» покрылось звездными пробоями, защитные очки пилота были залиты кровью, и пикировщик, все еще несший на себе последнее смертоносное яйцо, задел верхушки деревьев, пропахал дорогу в сад, и тут вспыхнуло в баках горючее, а пулеметы под крыльями все стреляли, даже после удара о землю.

Ганнибал, лежа на полу в охотничьем домике и прикрывая Мику своим телом, увидел, что мама, вся в крови, упала во дворе на землю и одежда на ней горит.

– Оставайся здесь! – велел он Мике и бросился к матери, а боеприпасы в самолете уже начали рваться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, языки пламени уже подбирались к единственной оставшейся под крылом бомбе. Пилот сидел в своей кабине мертвый, с обгоревшим до костей лицом, в пылающем шарфе и шлеме, а позади него лежал убитый стрелок.

Во дворе в живых остался один Лотар, он помахал маль-

чику окровавленной рукой. Тут во двор, к матери, бросилась Мика, и, когда она пробежала мимо, Лотар попытался схватить ее и уложить на землю, но пулеметная очередь из горящего самолета прошила его насквозь, кровь забрызгала девочку, и она, подняв руки, закричала в пустое небо. Ганнибал, кидавший снег на пылающую одежду мамы, поднялся во весь рост, бросился к Мике посреди беспорядочной стрельбы и унес ее в дом, в подвал. Выстрелы во дворе постепенно стихали, а затем и совсем прекратились – в казенниках пулеметов расплавились патроны. Стемнело, и вновь пошел снег, шипя на горячем металле.

Тьма и снова снег. Ганнибал во дворе, посреди трупов. Он не понимал, сколько времени прошло, снег падал и падал, ложась на мамины волосы, припорошив мамины ресницы. Она была во дворе единственной, чье тело не было обожжено, не почернело. Ганнибал попытался ее потащить, но тело примерзло к земле. Мальчик прижался лицом к ее груди. Грудь замерзла, стала совсем твердой, сердце не билось. Он прикрыл ей лицо салфеткой и завалил тело снегом. У края леса двигались темные тени. Огонь его факела отражался в волчьих глазах. Ганнибал прикрикнул на них и замахнулся лопатой. Мика была полна решимости выйти во двор – к маме. Приходилось выбирать. Он отвел Мику обратно в дом, оставив мертвых на волю тьмы. Книга учителя Якова лежала рядом с его почерневшей рукой в целостности и сохранности, пока какой-то волк не съел кожаный переплет и, посреди рас-

сыпанных страниц трактата Гюйгенса «О свете», не слизал со снега мозги учителя.

Ганнибалу и Мике были слышны рычание и шарканье лап во дворе. Ганнибал разжег камин. Чтобы заглушить шум, он попробовал заставить Мику петь и стал петь ей сам. Она зажала в кулачках края его пальто.

– «Ein Mannlein...»

Снежные хлопья на стеклах окон. В уголке одного стекла появился темный кружок, проделанный пальцем в перчатке. А в темном кружке – бледно-голубой глаз.

Вдруг дверь рывком отворилась, и Грутас с Милко и Дортлихом вошли в дом. Ганнибал схватил со стены копьё, с каким ходили на вепря, а Грутас, инстинктивно угадав, что надо делать, тут же прицелился в Мику.

– Брось его, не то убью девчонку! Ты понял?

Мародеры сразу же обступили Ганнибала и Мику. Пока мародеры были в доме, Гренц, остававшийся снаружи, сделал знак рукой, чтобы санитарная машина въезжала во двор. Полугусеничная узкоглазая машина двинулась вперед, свет ее затемненных фар отразился в волчьих глазах у края поляны: волк тащил что-то тяжелое.

Мужчины стояли перед камином, обступив Ганнибала с сестрой; от согретой огнем одежды мародеров несло сладковатой вонью многонедельного пребывания близ полей сражений и запекшейся на подошвах сапог кровью убитых. Они придвинулись к детям очень близко. Кухарь поймал какое-то насекомое, выползшее из его мундира, и раздавил его ногтем большого пальца.

Они кашляли прямо на детей. Зловонное дыхание хищников, страдающих кетозом⁷ из-за того, что питались они почти исключительно отбросами, в основном мясными, ино-

⁷ Кетоз – свидетельство серьезного нарушения углеводного и жирового обмена в организме.

гда даже тем, что попадало под гусеницы машины, заставило Мику уткнуться лицом в пальто Ганнибала. Он укрыв ее полами пальто и, прижав к себе, ощутил, как испуганно бьется ее сердце. Дортлих схватил Микину мисочку с овсянкой, жадно проглотил кашу и выскреб остатки перепончатыми, в шрамах пальцами. Кольнас протянул ему свою плоску, но Дортлих ничего ему не дал.

Кольнас был коренаст, и в его глазках зажигался огонек, когда он видел блеск драгоценного металла. Он снял браслет с руки Мики и опустил к себе в карман. Ганнибал схватил было его за руку, но Гренц так ущипнул мальчика за шею, что у того онемела вся рука.

Вдалеке прозвучал артиллерийский залп.

Грутас сказал:

– Если явится патруль – неважно чей, – мы располагаем здесь полевой госпиталь. Мы спасли этих малышей, а в машине мы храним собственность их родителей. Снимем красный крест с машины и прикрепим на дверь. Давайте – сделайте это сразу же.

– А двое других? Они же замерзнут там, в машине, – сказал Кухарь. – Они нам помогли от патруля отвязаться, могут и еще пригодиться.

– Отведи их в ночлежку для прислуги, – сказал Грутас. – Да запри как следует.

– А куда им идти-то? – возразил Гренц. – Кому они чего сказать могут?

– Они тебе сказать могут. Про свою гребаную тяжелую жизнь в Албании. Давай, Гренц, шевели задницей, шагай на двор и делай, что сказано.

Под валящим снегом, ежась от ветра, Гренц вытащил из машины две маленькие фигурки и погнал их к амбару, где было жилье для obsługi.

У Грутаса имелась тонкая цепочка, она холодила кожу детям, когда он петлей накиннул ее на шею Ганнибалу, а потом – Мике. Кольнас с обоих концов вдел в цепочку тяжелые замки. Грутас и Дортлих приковали детей к перилам на верхней лестничной площадке, где они никому не мешали, но были хорошо видны. Тот, которого звали Кухарь, принес им из спальни одеяло и ночной горшок. Сквозь лестничную решетку Ганнибал увидел, что мародеры бросили в огонь вращающийся табурет для рояля. Он подоткнул воротник Мики под цепочку, чтобы холодный металл не прикасался к шее девочки.

Сугробы снега высоко поднялись вокруг охотничьего домика, только верхняя часть окон пропускала сероватый свет. Ветер, завывая, гнал снег наискось мимо окон, и казалось, что охотничий домик – это огромный, мчащийся вперед поезд. Ганнибал с сестрой завернулись в одеяло и ковер, лежавший на лестничной площадке. Мика кашляла, но одеяло и ковер заглушали ее кашель. Лоб девочки обжигал Ганнибалу щеку. Ганнибал достал из-под пальто корку черствого хлеба и сунул себе в рот. Когда хлеб размяк, он дал его Мике.

Каждые несколько часов Грутас посылал одного из своих людей из дома наружу – расчищать дорогу к дверям и тро-

пинку к колодцу. А один раз Кухарь отнес кастрюлю с объедками в амбар.

В занесенном снегом доме время тянулось болезненно долго. Не было еды, потом вдруг еда появилась. Кольнас и Милко водрузили на плиту ванночку Мики, прикрытую сверху толстой доской; края доски обгорели там, где они выходили за края ванночки. Кухарь поддерживал огонь, бросая туда книги и деревянные салатницы. Поглядывая краем глаза на плиту, Кухарь взялся заполнять «бортовой журнал» и подбивать счета. Он высыпал мелкие трофеи мародерства на стол и принялся их сортировать и подсчитывать. Тонким неразборчивым почерком он написал наверху страницы имя каждого члена банды:

Владис Грутас

Жигмас Милко

Бронюс Гренц

Эрикас Дортлих

Петрас Кольнас

А в самом конце – свое собственное имя: *Казюс Порвик*.

Под каждым именем он перечислил все, что приходилось на долю этого человека из награбленного добра: золотые очки, часы, кольца, серьги, золотые зубы; все это он отмерял, используя в качестве мерки украденную серебряную чашку.

Грутас и Гренц обыскивали охотничий домик с упорством одержимых, с силой выдергивая ящики столов и комодов, отламывая задние стенки секретеров.

Через пять дней погода улучшилась. Все надели снегоступы и отвели Ганнибала и Мику в амбар. Ганнибал заметил струйку дыма, поднимающуюся из трубы там, где было жильё для обслуги. Он взглянул на большую подкову Цезаря, прибитую над дверью – на счастье, – и подумал о коне: очень хотелось знать, жив ли еще Цезарь. Грутас и Дортлих втолкнули детей в амбар и заперли дверь. Сквозь щель между дверными створками Ганнибал смотрел, как мародеры подошли к лесу и направились в разные стороны. В амбаре было очень холодно. На соломе валялась скомканная детская одежда. Дверь в жильё для обслуги была закрыта, но не заперта. Ганнибал толкнул ее, и она отворилась. Укутавшись во все одеяла, снятые с коек, жался как можно ближе к маленькой печке мальчик. На вид ему было не больше восьми лет, вокруг запавших глаз – темные круги. Одет он был в самую разную одежду, натянутую на худое тело в несколько слоев, на нем были даже какие-то девчачьи одежки. Ганнибал подтолкнул Мику к себе за спину. Мальчик съежился еще больше и попытался от Ганнибала.

– Здравствуй, – произнес Ганнибал по-литовски. Он повторил «Здравствуй» по-немецки, по-английски, по-польски. Мальчик не отвечал. На ушах мальчика и на пальцах вспухли красные ознобыши. Пока тянулся этот долгий холодный день, он ухитрился как-то дать понять, что он родом из Албании и говорит только на своем родном языке. Он назвал свое имя – Агон. Ганнибал дал ему ощупать свои карма-

ны – не найдется ли там какая-нибудь еда. Однако он не позволил мальчику прикоснуться к Мике. Когда Ганнибал жестами объяснил Агону, что тот должен отдать половину одеял ему с Микой, тот не воспротивился. Маленький албанец вздрагивал при каждом звуке, его испуганный взгляд тотчас же обращался к двери, и он делал ладонью такие движения, будто что-то рубил топором.

Мародеры вернулись перед заходом солнца. Ганнибал их услышал и стал смотреть в щелку между створками дверей амбара.

Они тащили за собой худого, изголодавшегося малорослого оленя, еще живого, но спотыкавшегося на каждом шагу. Шею оленя петлей стягивал шнур с кистями, явно из какого-то разграбленного поместья, в боку торчала стрела. Милко взялся за топор.

– Смотри кровь зря не пролей, – сказал Кухарь авторитетным тоном опытного повара.

Примчался Кольнас со своей площадкой. Глаза его сверкали. Со двора донесся вопль, и Ганнибал закрыл уши Мики, чтобы она не услышала звук топора. Маленький албанец плакал и возносил хвалу Богу.

Позднее, когда все уже насытились, Кухарь принес детям кость – обглодать с нее остатки мяса и сухожилий. Ганнибал поел немного, потом разжевал мясо в кашицу для Мики. Если давать девочке еду пальцами, сок вытечет. Ганнибал стал кормить ее изо рта в рот. Потом люди Грутаса вернули Ган-

нибала с сестрой в охотничий домик и снова приковали их цепью к перилам лестничной площадки, а албанского мальчика оставили одного в амбаре. Мика горела в лихорадке, Ганнибал прижимал ее к себе, вдыхая запах холодной пыли от ковра, в который они закутались.

Грипп свалил всех до одного; мужчины теснились поближе к затухающему камину, кашляя в лица друг другу; Милко нашел расческу Кольнаса и обсасывал с нее жирную грязь. Череп олененка лежал в сухой ванночке Мики – он был выварен так, что на нем не осталось ни волоконца.

Потом у них снова появилось мясо, и они ели, урча и крикая, не глядя друг на друга. Кухарь дал Ганнибалу и Мике хрящей и бульона. Но в амбар он ничего не отнес.

Погода все не менялась. Серое, словно гранит, небо низко нависало над поляной, шумы леса были приглушены, слышался только треск и звук падения ломающихся от наростов льда ветвей и сучьев.

Еда закончилась задолго до того, как небо прояснилось. Казалось, в тот ясный день, когда прекратился ветер, кашель зазвучал громче. Грутас и Милко, шатаясь, вышли из дома в снегоступах.

После долго тянувшегося лихорадочного сна Ганнибал услышал, как они вернулись. Они громко спорили и шаркали ногами. Сквозь лестничную решетку Ганнибал видел, как Грутас вылизывал окровавленную птичью кожу, а потом швырнул ее сотоварищам, и они набросились на нее, словно

псы. Лицо Грутаса было все в крови и налипших перьях. Он повернул его к детям и произнес:

– Нам надо есть, не то все подохнем.

Это было последним осознанным воспоминанием Ганнибалы Лектера об охотничьем домике.

Русский танк двигался по заледеневшей дороге, вибрация корпуса была такой сильной, что в триплекс трудно было что-либо разглядеть. Это был огромный КВ-1, в трескучий мороз продиравшийся по лесной тропе: фронт стремительно шел на запад, ежедневно продвигаясь на многие мили вперед, вслед за отступающими немцами. Два пехотинца в белых маскхалатах ехали на броне танка, примостившись над двигателем. Солдаты следили, чтобы какой-нибудь случайный немец из «Вервольфа», фанатик, оставшийся позади с фаустпатроном, не попытался их танк уничтожить. Они заметили какое-то движение в кустарнике. Командир танка услышал, что солдаты на броне начали стрелять, и повернул башню в ту сторону, куда они стреляли, чтобы и пулемет целил туда же. Вглядевшись в триплекс, он увидел, что из кустов вышел мальчик, совсем ребенок, а пули взбивали снег вокруг него – солдаты стреляли с движущегося танка. Командир высунулся в люк и прекратил стрельбу. Они и так уже по ошибке убили нескольких детей, на войне такое случается, и были рады, что не убили этого.

Перед солдатами стоял ребенок, исхудалый и бледный, во-

круг шеи цепь на замке; свободный конец цепи с пустой петлей тянулся за мальчиком. Когда они усадили его рядом с двигателем и обрезали цепь с его шеи, на звеньях остались кусочки кожи. Мальчик изо всех сил прижимал к груди мешок с очень хорошим полевым биноклем. Танкисты тормозили его, задавали вопросы на русском, польском, неумелом литовском, пока не поняли, что он вообще не может говорить.

Солдаты постыдились отобрать у мальчика полевой бинокль. Они дали ему половинку яблока и разрешили ехать позади башни, в теплом дыхании двигателя, пока не добрались до деревни.

Советская моторизованная часть с самоходкой и тяжелой реактивной установкой укрылась на ночь в опустевшем замке Лектер. Они двинулись дальше еще до рассвета, оставив в заснеженном дворе проталины с темными пятнами от масла и горючего. Во дворе осталась одна, более легкая, машина, двигатель работал на холостом ходу.

Грутас и четверо его выживших сотоварищей, по-прежнему одетых в медицинскую форму, следили за происходящим из леса. Прошло уже четыре года с тех пор, как Грутас застрелил повара у Вороньего камня, и четырнадцать часов с того момента, как мародеры бежали от сгоревшего охотничьего домика, бросив там погибших.

Издали слышались разрывы бомб, на горизонте светящимися арками вырисовывались трассирующие очереди зенитных орудий.

Последний солдат вышел из дверей замка, разматывая с катушки огнепроводный шнур.

– Черт! – проговорил Милко. – Камни же дождем посыплются, огромные, как товарные вагоны!

– Нам все равно надо туда войти, – ответил Грутас. Солдат дотянул шнур до нижней ступеньки, обрезал его ножом и присел на корточки.

– Да этот перевалочный пункт давно уже разграбили, –

заметил Гренц. – C'est foutu ⁸.

– Tu débandes?⁹ – поинтересовался Дортлих.

– Va te faire enculer...¹⁰ – откликнулся Гренц.

Они поднабрались французского, когда дивизия «Мертвая голова» переформировывалась под Марселем, и любили ругаться друг с другом на этом языке в напряженные минуты перед «работой». Ругательства напоминали им о том времени, что они так приятно провели во Франции.

Советский солдат расщепил шнур на десять сантиметров от конца и вставил туда спичку головкой наружу.

– Какого цвета шнур? – спросил Милко.

Грутас наблюдал за происходящим в полевой бинокль.

– Не могу различить. Темно.

Из леса им было видно, как огонек второй спички озарил лицо солдата, когда тот поджигал шнур.

– Он оранжевый или зеленый? Полоски на нем есть? – спросил Милко.

Грутас молчал.

Солдат не спеша пошел к машине, смеясь в ответ на оклики товарищей, призывавших его поторопиться. За его спиной на снегу рассыпал искры огнепроводный шнур.

Милко, затаив дыхание, начал считать про себя. Как только машина скрылась из виду, Грутас и Милко бросились к

⁸ Дерьмово (фр.).

⁹ Ты что, дрейфишь? (фр.)

¹⁰ Пошел ты... (фр.)

шнур. Когда они добежали до дверей, огонь уже успел добраться по шнуру до порога. Они не могли разглядеть полосы, пока не подошли совсем близко. *Горит со скоростью двеминутыметр, двеминутыметр, двеминутыметр*. Грутас финкой рассек шнур надвое.

Милко пробормотал: «В гроб эту ферму!» – и бросился вверх по ступеням внутрь замка по ходу шнура, пристально вглядываясь, нет ли где еще шнуров, еще взрывателей. Он прошел через большой зал ко входу в башню, следуя за шнуром, и наконец нашел то, что искал: этот шнур сращивался с широкой петлей детонирующего шнура. Милко вернулся в большой зал и крикнул:

– У него тут основное кольцо детонирующего шнура. А огнепроводный всего один. И ты его сделал!

Пакеты взрывчатки были уложены вдоль основания башни так, чтобы разрушить ее с помощью одной координирующей петли детонатора.

Советские военные не потрудились запереть дверь, и огонь в камине большого зала все еще горел. Граффити испещряли голые стены, а на полу перед камином красовались кучки кала и валялись комки использованной бумаги – следы прощального акта, совершенного в относительно тепле замка.

Милко, Грутас и Кольнас обыскали верхние этажи. Грутас махнул Дортлиху рукой, чтобы тот следовал за ним, и спустился по лестнице в подземелье. Решетка, запиравшая вход

в винный погреб, была открыта, замок сломан.

У Грутаса с Дортлихом был один фонарь на двоих. Желтый луч отразился от бутылочных осколков, валявшихся на полу. Винный погреб усыпали пустые бутылки из-под тонких выдержанных вин, горлышки у них были попросту отбиты торопливыми выпивохами. Дегустационный стол, опрокинутый передравшимися мародерами, лежал у дальней стены.

– Хрен собачий! – выругался Дортлих. – Вот гады, ни глотка не оставили!

– Помоги-ка, – сказал Грутас.

Вдвоем они отодвинули стол от стены, с хрустом давя подошвами стекло. Отыскали и зажгли валявшуюся позади стола свечу, при свете которой когда-то сцеживали вино.

– А теперь потяни за канделябр, – сказал Грутас более высокому, чем он сам, Дортлиху. – Просто разок потяни, строго вниз.

Стеллаж для винных бутылок отошел от задней стены. Когда он двинулся, Дортлих схватился за пистолет. Грутас зашел в помещение за винным погребом. Дортлих последовал за ним.

– Господи боже ты мой! – произнес Дортлих.

– Давай приведи машину, – сказал Грутас.

Литва, 1946 г.

Тринадцатилетний Ганнибал Лектер стоял в полном одиночестве на булыжном краю крепостного рва и бросал хлебные корки в черную воду. Огород, где буйно разрослась когда-то аккуратная живая изгородь, стал сейчас коллективным огородом Народного детского дома. Росла в нем теперь главным образом репа. Крепостной ров и черная поверхность воды в нем были очень важны для Ганнибала. Ров был постоянным, неизменным; черная поверхность воды отражала облака, плывущие мимо зубчатых башен замка Лектер, как они плыли всегда.

Поверх детдомовской формы на Ганнибале была надета штрафная рубашка с намалеванной на ней надписью: «Без игр». Но хотя ему запретили играть с детдомовцами в футбол на поле за пределами двора, он не чувствовал себя обездоленным. Игру прервали, когда битюг Цезарь с русским кучером пересек футбольное поле с нагруженным дровами фургоном. Цезарь радовался Ганнибалу, когда тот мог заходить в конюшню, но репу он не любил.

Ганнибал смотрел, как плывут через ров черные лебеди — пара черных лебедей, переживших войну. С ними были два малыша, еще в пуху, один сидел на спине у матери, другой плыл за ней следом. Повыше на берегу рва трое мальчишек

постарше наблюдали за Ганнибалом, раздвинув ветки живой изгороди.

Лебедь-самец выбрался из воды на берег – бросить вызов Ганнибалу.

Светловолосый мальчишка по имени Федор шепнул своим компаньонам:

– Гляньте, как этот черный ублюдок забьет немого болвана. Выколотит из него кучу дерьма, как из вас, когда вы яйца из гнезда попробовали спереть. Посмотрим, может, немой плакать умеет?

Ганнибал поднял руки с ивовыми ветвями, и лебедь вернулся в воду.

Разочарованный Федор достал из-за пазухи рогатку с красной резиной и полез в карман – за камнем. Камень ударил в глину на краю рва, забрызгав грязью ноги Ганнибала. Ганнибал посмотрел на Федора и покачал головой; лицо его ничего не выражало. Второй камень ударил в воду рядом с барахтавшимся там лебеденком. Ганнибал поднял руки с ивовыми ветвями и зашипел, отпугивая птиц подальше от берега, куда не долетят камни.

Из замка послышался звон колокола.

Федор и его компания повернули к дому, хохоча, довольные развлечением, а Ганнибал вышел из кустов живой изгороди, раскачивая длинной водорослью, на корнях которой остался большой ком грязи. Ком попал Федору прямо в лицо, и Ганнибал, на голову ниже Федора, бросился на него

и погнал вниз по берегу к самой воде. Съехав с крутого берега следом за ошеломленным мальчишкой, он загнал его в черную воду и держал под водой, колотя его по шее ручкой рогатки. Лицо Ганнибала было поразительно неподвижным, жили только глаза; ему казалось, что вокруг всего, что он видит, возник красный ореол. Он пытался повернуть Федора так, чтобы добраться до его лица. Друзья Федора тоже спустились вниз, но не хотели драться в воде и стали криками звать на помощь воспитателя. Старший воспитатель Петров привел за собой и других, спустился, ругаясь, вниз по берегу и запачкал грязью дубинку, которой яростно размахивал.

Вечер в большом зале замка Лектер, лишенном былого убранства и теперь украшенном огромным портретом Сталина. Сто мальчиков в детдомовской форме уже закончили ужин и, стоя у своих мест за дощатыми столами, поют «Интернационал». Директор, слегка подвыпивший, дирижирует пением с помощью вилки.

Недавно назначенный старший воспитатель Петров, а с ним и младший воспитатель, оба в галифе и сапогах, ходят между столами, чтобы убедиться, что поют все. Ганнибал не поет. На щеке у него синяк, один глаз наполовину заплыл. За другим столом – Федор, он внимательно следит за происходящим. Шея у него забинтована, лицо исцарапано. На один из пальцев наложен лубок.

Воспитатели остановились перед Ганнибалом. Ганнибал

зажал в ладони вилку.

– Слишком благородный, чтобы петь с нами, а, хозяйский сынок? – проговорил старший воспитатель Петров под звуки «Интернационала». – Ты здесь уже не хозяйский сынок, такой же сирота бездомный, как все, и, Богом клянусь, ты у меня запоешь!

Старший воспитатель размахнулся блокнотом и хлестнул Ганнибала по щеке. Лицо мальчика ничего не выражало. Но и петь он не стал. Из уголка рта у него вытекла струйка крови.

– Он же немой, – сказал младший воспитатель. – Битьем не поможешь.

Тут пение закончилось, и голос старшего воспитателя громко прозвучал в тишине.

– Немой-то немой, а по ночам вопит во всю глотку, – сказал он и замахнулся свободной рукой.

Ганнибал загородился от удара кулаком с зажатой в нем вилкой, острия вилки впились Петрову в костяшки пальцев. Воспитатель обежал вокруг стола, преследуя мальчика.

– Прекратить! – крикнул директор. – Не бей его больше! Я не хочу, чтобы у него остались следы побоев. – Директор, хоть и не совсем трезвый, был здесь главным. И он распорядился: – Пусть Ганнибал Лектер явится ко мне в кабинет!

В кабинете директора стояли письменный стол из излишков военного имущества, такие же шкафы с документами и две походные койки. Именно здесь Ганнибала сильнее все-

го поразило то, как изменился запах в замке. Здесь теперь уже не пахло мебельным полиролем с лимонным маслом, не пахло духами... Вместо этого в комнате застоялся холодный запах мочи, шедший из остывшего камина. Окна были ничем не занавешены, из украшений остались только резные панели.

– Ганнибал, это была комната твоей матери? Чувствуется, что она вроде как женская.

Директор отличался некоторой своенравностью. Порой он мог быть добрым, чаще – жестоким, когда его раздражали собственные неудачи. Его маленькие глазки были красны. Он ждал ответа.

Ганнибал кивнул.

– Тебе, должно быть, тяжело жить в этом доме? Ответа не последовало.

Директор взял со стола телеграмму.

– Ну что ж, тебе не так уж долго осталось жить здесь. Сюда едет твой дядя. Он заберет тебя с собой во Францию.

Кухню освещал лишь горевший в очаге огонь. Прячась в тени, Ганнибал наблюдал за помощником повара: тот спал в кресле перед очагом и бормотал что-то во сне. Рядом с ним стоял пустой стакан. Ганнибалу нужен был фонарь, стоявший на полке прямо над помощником повара. Он мог видеть отблески огня на стекле фонаря.

Человек дышал глубоко и ровно, похрипывая, как от простуды. Ганнибал бесшумно прошел по каменному полу, попал в пропитанную запахом водки и лука атмосферу, окутавшую спящего, и зашел к тому за спину.

Проволочная ручка фонаря обязательно заскрипит, так что надо взять фонарь одновременно за основание и за стекло, чтобы стекло не задрезбалось. Приподнять вверх и снять с полки.

Вдруг – громкий треск: это вспыхнуло полено, шипя струйками пара и рассыпая искры; мелкие угольки запрыгали в очаге; один уголек отскочил на пол, покатился и улегся совсем рядом со ступней помощника повара, обернутой теплой портянкой.

Чем же его отбросить? На стойке Ганнибал увидел гильзу от 150-миллиметрового снаряда, в которой стояло множество деревянных ложек и лопаток. Мальчик опустил фонарь на пол, взял ложку и отшвырнул уголек на середину пола.

Дверь на лестницу в подzemелье находилась в углу кухни. Она беззвучно открылась, как только Ганнибал к ней прикоснулся; он вошел в абсолютную тьму, по памяти рисуя в уме верхнюю площадку лестницы, и закрыл за собой дверь. Чиркнув спичкой о камень стены, он зажег фонарь и пошел вниз по знакомым ступеням, и чем ниже он спускался, воздух становился все прохладнее и прохладнее. Свет фонаря перепрыгивал со свода на свод – Ганнибал проходил под низкими арками к винному погребу. Железная решетка была открыта.

Давно украденные винные бутылки на стеллажах сменили овощи, в основном корнеплоды, и прежде всего – репа. Ганнибал напомнил себе, что нужно будет захватить отсюда немного свеклы: в отсутствие яблок Цезарь мог полакомиться свеклой, хотя от нее губы у него становились красными и казалось, что они покрашены губной помадой.

За все то время, что он жил в детском доме и понимал, что замок испоганен, разграблен, что все конфисковано или испорчено, он ни разу не заглядывал в подzemелье. Ганнибал поставил фонарь на высокую полку и оттащил в сторону несколько мешков с картошкой и луком, стоявших перед стеллажом у задней стены. Он влез на стол, схватился за канделябр и потянул. Ничего не произошло. Он отпустил канделябр и снова потянул. Потом повис на нем всем телом. Канделябр опустился примерно на дюйм с дребезжанием, от которого с него поднялась пыль, а Ганнибал услышал глухой

скрип заднего стеллажа. Он слез со стола. Теперь он сможет просунуть в образовавшуюся щель пальцы и оттянуть стеллаж от стены.

Стеллаж отошел от стены с громким скрипом петель. Ганнибал вернулся за фонарем, готовый тотчас же задуть его, если послышится хоть какой-то звук. Но – ничего.

Это здесь, в винном погребе, он в последний раз видел повара, и на миг его большое круглое лицо явилось ему четко и ясно, как живое, без того флера, каким время окутывает наше представление об умерших.

Ганнибал взял фонарь и вошел в потайную комнату за винным погребом. Она была пуста.

Осталась лишь одна огромная золоченая рама, на ней лохматились нитки от вырезанного из нее полотна. Это была самая большая картина в доме, романтизированное изображение битвы при Жальгирисе, особо подчеркивающее достижения Ганнибала Беспощадного.

Ганнибал Лектер, последний потомок древнего рода, стоял в замке своего детства, вглядываясь в пустую раму от картины, и понимал, что он одновременно и потомок этого рода, и *не потомок* этого рода. Он думал о матери, а она – Сфорца; он вспоминал о поваре и об учителе Якове, а они родом из совсем иной традиции, чем его собственная. Сквозь пустую раму он мог сейчас видеть их всех, сидящих перед камином в охотничьем домике.

Он никоим образом не Ганнибал Беспощадный, насколько он может себе его представить. Он проведет свою жизнь под расписным потолком своего детства. Но потолок этот столь же эфемерен, как небо, и почти так же бесполезен. Так ему теперь представлялось.

Они все исчезли – все картины, все лица, которые были близки и знакомы ему так же, как лица его родных.

В центре комнаты находилась потайная темница, сухой каменный колодец, куда Ганнибал Беспощадный спускал своих врагов, а потом забывал о них. Позднее ее огородили во избежание несчастных случаев. Ганнибал подержал над ней фонарь, и огонь осветил половину колодезной шахты. Отец Ганнибала как-то говорил сыну, что в его собственные детские годы на дне темницы еще лежала целая груда скелетов.

Однажды, чтобы доставить Ганнибалу удовольствие, его спустили в колодец в большой корзине. У самого дна на стене было выцарапано слово. Сейчас, при свете фонаря, Ганнибал не мог его разглядеть, но он знал – оно все еще там, это слово, неровные буквы, нацарапанные в темноте умирающим человеком: *Pourquoi?*¹¹

¹¹ Почему? (фр.)

Детдомовцы спали в длинной общей спальне. Их там расположили по возрасту. В том конце, где спали самые младшие, застоялся едкий запах брудера¹² для цыплят, как в детском саду. Самые младшие во сне съезживались под одеялами, обхватив себя руками, некоторые звали умерших родных, встречая в приснившихся лицах заботу и нежность, которых им больше не встретить.

Дальше к середине комнаты спали ребята постарше. Некоторые мастурбировали под одеялами.

У каждого детдомовца под кроватью стоял солдатский сундучок, а на стене над кроватью было место, где разрешалось прикрепить рисунки или, очень редко, семейную фотографию.

Вот над кроватями целый ряд рисунков цветными карандашами. Над кроватью Ганнибала Лектера – отличный рисунок мелкими и карандашом: младенческая рука – ладонь и предплечье, – протянутая к зрителю в трогательном жесте, от нее глаз нельзя оторвать; пухленькое предплечье слегка укорочено – ребенок тянет к вам руку, чтобы погладить. Выше кисти – браслет. Под этим рисунком спит Ганнибал, веки у него подергиваются. Напрягаются челюстные мышцы, раздуваются и втягиваются ноздри: во сне ему чудится зло-

¹² Брудер – питомник для молодняка – цыплят, поросят и т. п.

вонное дыхание трупоедов.

...Охотничий домик в лесу. Ганнибал и Мика – в холодно-пыльном запахе ковра, в который они завернулись, лед на оконных стеклах преломляет свет в красные и зеленые лучики. Ветер налетает порывами, и порой тяга в плите ослабевает. Голубоватый дым слоями плывет под островерхой крышей, мимо перил верхней площадки. Ганнибал слышит, как резким толчком открывается дверь, и смотрит вниз сквозь лестничную решетку. Медная ванночка Мики стоит на плите – Кухарь кипятит в ней рогатый череп олененка и несколько каких-то ссохшихся клубней. Бурлящая вода со звоном швыряет череп о металлические бока ванночки, словно олененок напоследок пробует бодаться. Голубоглазый и Перепончатый входят в дом, в дверь с ними врывается морозный воздух; они сбрасывают снегоступы и прислоняют их к стене. Остальные обступают пришедших, из угла ковыляет на обмороженных ногах Плошка. Голубоглазый достает из кармана трупики трех небольших истощенных птиц. Опускает одну из птиц в кипящую воду, прямо в перьях, и держит там, пока она не становится настолько мягкой, что можно содрать кожу. Начинает вылизывать окровавленную кожу птицы, кровь и перья прилипают к его лицу, все остальные толпятся вокруг. Он швыряет им эту кожу, и они набрасываются на нее, словно псы.

Голубоглазый поднимает выпачканное кровью лицо к

верхней площадке, выплевывает перышко и произносит:

– Нам надо есть, не то все подохнем.

Они бросают в огонь семейный альбом Лектеров, картонные игрушки Мики, ее замок, ее бумажных кукол. Теперь Ганнибал стоит на каминной плите, он не помнит, как сошел сверху, а потом вдруг они оказываются в амбаре, где на соломе валяется скомканная детская одежда, странная, никогда им не виданная и жесткая от засохшей крови. Мужчины сгрудились вокруг них, щупают его и Мику – много ли на них мяса...

– Бери ее, все равно она вот-вот подохнет. Пойдем поиграем. Пойдем поиграем.

Они забирают Мику и поют: «Ein Mannlein steht im Walde ganz still und stumm...»

Ганнибал крепко держит сестру за руку, детей подтаскивают к дверям амбара. Он не выпускает руку Мики, и Голубоглазый захлопывает тяжелую дверь, защемляя в ней руку Ганнибала, кость с треском ломается, Голубоглазый открывает дверь и идет к Ганнибалу, размахивая поленом. Тяжелый удар по голове, град новых ужасающих ударов, искры из глаз, крик Мики: «Анниба!»

Град ударов все сыпался, сыпался, и вдруг оказалось, что это дубинка старшего воспитателя грохочет по раме кровати, а Ганнибал кричит во сне: «Мика! Мика!»

– Заткнись! Заткнись! А ну вставай, ты, недоросток гребаный! – Старший воспитатель сорвал с кровати одеяло и

белье и швырнул все это Ганнибалу.

Они шли из замка к кладовой для инструментов по холодной земле, Петров подталкивал мальчика дубинкой. Воспитатель втолкнул Ганнибала в кладовую и вошел туда следом за ним. Кладовая была сплошь увешана садовыми и плотницкими инструментами, мотками веревки. Петров поставил свой фонарь на бочонок и поднял дубинку. Поднес забинтованную руку к глазам Ганнибала:

– Пора за это расплачиваться.

Казалось, Ганнибал съежился от страха. Он стал кружить по кладовой, стремясь уйти из круга света. Он не мог бы определить, что он чувствует. Воспитатель решил, что прочел в его глазах страх, и принялся кружить за ним следом, невольно уходя из круга света. Ему удалось нанести Ганнибалу мощный удар в бедро. Но мальчик был уже около фонаря. Он схватил серп и тут же задул фонарь. Потом, в полной темноте, лег на пол и, крепко держа серп обеими руками, поднял его над головой. Услышав осторожные шаги, крадущиеся мимо, он изо всех сил швырнул серп, ничего не задел, и тут захлопнулась дверь и загремела цепь запора.

– Очень удобно бить немого, он ведь никому на тебя пожаловаться не может, – сказал старший воспитатель.

Вместе с младшим воспитателем он разглядывал роскошный лимузин, стоявший на усыпанном гравием дворе замка. Это был замечательный образец искусства французских кузовостроителей, небесно-голубого цвета, с дипломатически-

ми флажками – советским и ГДР – на передних крыльях. Автомобиль выглядел весьма экзотично, как и другие довоенные французские автомашины; людям, привыкшим к угловатым формам танков и джипов, он казался роскошно-чувственным. Старшему воспитателю очень хотелось выцарапать ножом слово из трех букв на боку машины, но водитель был мощного телосложения и весьма бдителен.

Ганнибал из конюшни видел, как автомобиль въезжал во двор, но не бросился ему навстречу. Он наблюдал, как его дядя в сопровождении советского офицера прошел в замок.

Ганнибал прижал раскрытую ладонь к щеке Цезаря. Длинная морда повернулась к мальчику. Конь, похрустывая, жевал овес. Советский конюх хорошо о нем заботился. Ганнибал погладил шею коня и почти прижался ртом к повернувшемуся к нему уху Цезаря, но не смог произнести ни звука. Поцеловал коня в лоб. За сеновалом, между панелями двойной перегородки, висел бинокль отца. Ганнибал повесил бинокль на шею и пересек утоптаный учебный плац.

Младший воспитатель искал его, не сходя со ступеней крыльца. Скучные пожитки Ганнибала были засунуты в мешок.

Глядя из окна директорского кабинета, Роберт Лектер увидел, как его водитель купил у повара сосиску и кусок хлеба за пачку сигарет. На самом деле Роберт Лектер был теперь граф Лектер, ведь брат его считался погибшим. Впрочем, Роберт успел привыкнуть к графскому титулу: он уже много лет пользовался им, хотя и незаконно.

Директор детдома не стал пересчитывать деньги, просто сунул их в нагрудный карман, бросив взгляд на полковника Тимко.

– Граф... э-э-э, товарищ Лектер, я хочу сказать вам, что я видел ваши картины в Екатерининском дворце, перед войной. А газета «Горн» опубликовала несколько фотографий. Мне ужасно нравятся ваши работы.

Граф Лектер кивнул:

– Благодарю вас, директор. А что с сестрой Ганнибала? Вам что-нибудь известно?

– Детская фотография нам не очень помогает, – ответил директор.

– Мы рассылаем снимок в детские дома, – сказал полковник Тимко. На полковнике была форма советских пограничных войск; его очки в стальной оправе мерцали в унисон со стальными вставными зубами. – Это требует времени. Детдомов так много...

– И я должен сказать вам, товарищ Лектер, наши леса... полны неопознанных останков, – добавил директор.

– Ганнибал так ни слова и не говорит? – спросил граф Лектер.

– Во всяком случае – мне. Физически он вполне способен разговаривать. По ночам, во сне, он выкрикивает имя своей сестры: «Мика, Мика!» – Директор замолчал, задумавшись, как бы получше выразить то, что он хочет сказать. – Товарищ Лектер, вам, вероятно, следует... быть поосторожнее с Ганнибалом, пока вы не узнаете его получше. Может быть, не нужно позволять ему играть с другими мальчиками, пока он не придет в себя. Кто-то всегда оказывается травмирован.

– Он что же, задирает других?

– Как раз те, кто его задирает, и получают травмы. Ганнибал не соблюдает сложившейся в коллективе иерархии. Задиры всегда крупнее его, а он наносит им травмы очень быстро и порой весьма серьезные. Ганнибал может быть опасен для людей значительно больше и сильнее его. Но он очень хорош с малышами. Порой позволяет им себя дразнить. Некоторые из них думают, что он не только немой, но и глухой, и прямо при нем говорят, что он сумасшедший. Он отдает им свои сласти в тех случаях, когда здесь бывают сласти.

Полковник Тимко взглянул на часы:

– Нам надо отправляться. Встретимся в машине, товарищ Лектер?

Полковник Тимко подождал, пока граф Лектер выйдет из

кабинета. Он протянул руку к директору. Тот вздохнул и отдал ему полученные деньги.

Блеснув очками и сверкнув зубами, полковник поспешил поплевать на большой палец и принялся считать купюры.

Проливной дождь прибил пыль на дорогах, да и ехать до замка оставалось всего несколько миль. Мокрый гравий побрякивал о грязное подбрюшье лимузина, а пропитанный запахами трав и свежевспаханной земли ветерок то и дело залетал в салон машины. Вскоре дождь прекратился и вечерний свет окрасился в оранжевые тона.

Замок – шато – в этом оранжевом свете выглядел скорее изящным, чем величественным. Средники в его окнах были изогнутые и напоминали паутину, увешанную каплями росы. Для Ганнибала, во всем искавшего предзнаменований, плавно изгибающаяся крытая галерея замка закручивалась от входа, словно спираль Гюйгенса.

Четыре битюга, от чьих намокших под дождем спин поднимался парок, были впряжены в ныне почивший танк, его тупая морда высовывалась из вестибюля. Огромные битюги – как Цезарь. Ганнибал обрадовался, увидев их, понадеявшись, что они – его тотем. Танк был уже поднят на катки. Мало-помалу лошади вытягивали его из вестибюля, будто вытаскивали зуб; кучер направлял их, битюги настораживали уши и поворачивали их к нему, когда он что-то им говорил.

– Немцы разрушили вход в замок выстрелом из пушки и задом завели танк в дом, чтобы укрыть от самолетов, – объяснил граф Ганнибалу, когда автомобиль остановился. Ро-

берт Лектер уже привык разговаривать с мальчиком, не ожидая ответа. – Отступая, они его так и оставили. Мы не могли его сдвинуть, так что украсили чертову махину цветами в горшках и целых пять лет его обходили. А теперь, когда я снова могу продолжать свою «подрывную деятельность» и продавать свои картины, мы можем заплатить за то, чтобы танк вытащили и увезли отсюда. Входи, Ганнибал.

Слуга ожидал прибытия «деляэ» и вместе с экономкой вышел встретить прибывших, неся в руках зонты – вдруг понадобятся. За ним следовал английский дог.

Ганнибалу понравилось, что его дядя познакомил всех здесь же, на подъездной аллее, вместо того чтобы поспешить в дом и разговаривать с остальными через плечо.

– Это мой племянник – Ганнибал. Он теперь будет жить у нас, и мы этому очень рады. Мадам Бриджит – наша экономка. И Паскаль – он отвечает за то, чтобы все здесь работало.

Мадам Бриджит была когда-то миловидной господской горничной. Она была приметлива и составила свое суждение о Ганнибале по тому, как он держался.

Собака бурно приветствовала графа, но решила повременить с собственным суждением о Ганнибале. Она громко выдохнула воздух, словно подула на мальчика, а он протянул ей раскрытую ладонь; обнюхивая ладонь, она смотрела на него исподлобья.

– Нам надо будет подыскать ему какую-нибудь одежду, – сказал граф экономке. – Посмотрите в моих старых школь-

ных чемоданах, что на чердаке стоят. Это для начала, со временем мы подберем ему что-нибудь получше.

– А младшая девочка, господин граф?

– Пока рано, Бриджит, – ответил он и прекратил разговор на эту тему, предупреждая покачивая головой.

В голове Ганнибала, пока он шел к дому, теснились образы: мерцание света на булыжнике двора, блеск намокших от дождя лошадиных спин, блестящие перья красивой вороны, пьющей воду у водосточного желоба на углу крыши, дрогнувшая высоко в окне занавеска, блеск волос леди Мурасаки, потом – ее силуэт.

Леди Мурасаки распахнула рамы. Вечерний свет коснулся ее лица, и Ганнибал из бесплодных пространств кошмара сделал первый шаг на мост Грез...

Переместиться из казармы в отдельный дом, к домашнему очагу – какое сладкое избавление!

Вся мебель в замке была странной и приветливой, в ней смешались разные эпохи и стили. Граф Лектер и леди Мурасаки достали эту мебель с чердака, когда мародерствовавшие нацисты были изгнаны из страны. Во время оккупации вся достойная мебель, стоявшая в этом замке, покинула Францию на поезде, направлявшемся в Германию.

Герман Геринг да и сам фюрер давно желали заполучить картины Роберта Лектера и других крупных французских художников. После захвата страны нацистами одним из первых побуждений Геринга было арестовать Роберта Лектера

как «славянина, ведущего подрывную деятельность» и конфисковать как можно больше его «декадентских» картин, чтобы «оградить от них публику». Полотна же оказались «арестованными» в коллекциях Геринга и Гитлера.

Когда наступающие союзники освободили графа из тюрьмы, он и леди Мурасаки расставили вещи по местам, как могли, а слуги работали у них за жилье и еду до тех пор, пока граф Лектер не вернулся к своему мольберту.

Роберт Лектер позаботился о том, чтобы племянник удобно устроился в своей комнате. Щедро освещенная солнцем, просторная комната была подготовлена к приезду Ганнибала; драпировки и яркие плакаты украшали стены, чтобы оживить камень. Высоко на стене висели маска для кендо¹³ и скрещенные бамбуковые мечи. Если бы Ганнибал мог говорить, он спросил бы о леди Мурасаки.

¹³ Кендо – искусство фехтования, букв. «путь меча» («кен» – «меч», «до» – «путь», японск.); особый вид фехтования бамбуковыми мечами.

Ганнибал оставался один не более минуты, когда услышал стук в дверь.

За дверью стояла Чио – служанка леди Мурасаки, молоденькая, примерно того же возраста, что Ганнибал, японка, с подстриженными чуть ниже ушей волосами. Чио на мгновение окинула Ганнибала оценивающим взглядом, затем на глаза ее словно опустилась вуаль, будто пленочка на глазах дремлющего ястреба.

– Леди Мурасаки приветствует вас и говорит вам «добро пожаловать!», – сказала Чио. – Не пожелаете ли следовать за мной?

Исполнительная и строгая, Чио повела его к банному домику в бывшей виноградной давилльне на территории замка.

Чтобы доставить удовольствие жене, граф Лектер переделал чан давилльного пресса в японскую ванну, вода в которой подогревалась особым водонагревателем – колонкой, переделанной из медной установки для перегонки коньяка. В банном домике пахло дровяным дымком и розмарином. Над чаном красовались серебряные канделябры, уцелевшие потому, что во время войны были зарыты в саду, однако Чио не зажгла свечи. Ганнибалу хватит и электрической лампы, пока не определится его статус в доме.

Девушка вручила ему полотенца и халат и указала на душ

в углу комнаты.

– Вымойтесь там сначала, ототритесь хорошенько перед тем, как опуститесь в воду, – сказала она. – После ванны шеф-повар приготовит вам омлет, а потом вам нужно будет отдохнуть. – Чио одарила его гримаской, которая, по-видимому, могла быть улыбкой, бросила в полную воды ванну апельсин и осталась снаружи у домика, ждать, пока он отдаст ей одежду. Когда он отдал ей свои одежки, она взяла их двумя пальчиками одной руки, повесила на палку, которую держала в другой, и вместе с ними исчезла.

Когда Ганнибал проснулся, неожиданно и сразу придя в себя, как это бывало в общей спальне, уже наступил вечер. Пока он не осознал, где находится, двигались только его глаза. Он чувствовал себя таким чистым в этой чистой постели. В окне сиял последний отблеск долгих французских сумерек. На стуле рядом с ним лежало хлопчатобумажное кимоно. Ганнибал оделся. Каменный пол коридора приятно холодил босые ступни, каменные ступени были такими же истоптанными, как в замке Лектер. Выйдя во двор, под сиреневый полог неба, он услышал доносившийся из кухни шум подготовки к обеду.

Собака увидела Ганнибала и дважды ударила хвостом об пол, однако не поднялась с места.

Из банного домика донеслись звуки японской лютни. Ганнибал пошел на звуки музыки. Пыльное окно сияло отблес-

ками свечей, горевших внутри. Ганнибал заглянул в окно. Чио сидела рядом с ванной, перебирая струны элегантно-го продолговатого кото. На этот раз она зажгла свечи. Пофыркивал водонагреватель, потрескивали горевшие под ним дрова, взлетали вверх искры. Он увидел в воде леди Мурасаки. Леди Мурасаки напоминала водяные лилии в воде крепостного рва, где плавали черные лебеди, они не могли петь. Ганнибал смотрел, не произнося ни звука – точно лебеди, и распростер руки, словно крылья.

Он попятился от окна, вернулся к себе, испытывая странную тяжесть во всем теле, и снова улегся в постель.

В камине большой спальни оставалось еще достаточно углей, чтобы их мерцание озаряло потолок. В полутьме граф Лектер сразу же откликнулся на прикосновение леди Мурасаки, на ее голос.

– Я тосковала о тебе так же, как тосковала, когда ты был в тюрьме, – сказала она. – Я вспомнила стихотворение моей прапрабабки Ононо Комаки, написанное тысячу лет тому назад.

– Ммм...

– Она была очень страстная.

– Мне не терпится услышать, что она сказала.

– Вот ее стихотворение: «Хито ни аван цуки но наки йова / омойоките / муне хасириби ни / кокоро йаки ори». Ты чувствуешь, какая музыка звучит в нем?

Европейский слух Роберта Лектера не мог уловить в нем никакой музыки, но, зная, где кроется музыка, он с готовностью ответил:

– Бог мой, ну конечно же! Скажи скорей, что это значит.

Его не видеть мне
безлунной этой ночью.
Лежу без сна я,
грудь горит в огне,
желанье сердце точит.

– Боже мой, Сава!¹⁴

Она очень тонко позаботилась о том, чтобы он мог избежать излишних усилий.

В большом зале замка высокие напольные часы сообщают о том, что время позднее, их приятный мягкий звон разносится по коридорам. Собака, спавшая на своем месте, поднимает голову и тринадцать раз коротко лает, отвечая часам. Ганнибал в своей чистой постели ворочается с боку на бок, не просыпаясь. И видит сны.

...Воздух в амбаре холодный, а детей раздели до пояса, чтобы Голубоглазый и Перепончатый могли ощупать их плечи и руки выше локтей – достаточно ли на них мяса. Осталь-

¹⁴ Граф Лектер называет жену именем царицы Савской (*англ.* Sheba), созвучным с японским именем леди Мурасаки – Сикибу (*англ.* Shikibu).

ные мародеры позади них фыркают и толкутся по амбару, словно гиены, вынужденные ждать. Тут же человек, который всегда раньше всех тянет свою плоску. Мика кашляет, она вся горит, она отворачивает лицо от их зловонного дыхания.

Голубоглазый хватает цепь, обвивающую шею Мики и Ганнибала. Кровь и перья от птичьей кожи, которую он вылизывал, облепили его физиономию.

Голос Плоски искажен нетерпением:

– Бери ее, она все равно вот-вот подойдет. А он еще немного побудет све-е-е-женьким.

Голубоглазый говорит Мике ужасные, фальшивые слова:

– Пойдем поиграем! Пойдем поиграем! – и затягивает песню. Перепончатый подхватывает:

Ein Mannlein steht im Walde ganz still und stumm,
Es hat von lauter Purpur ein Mantelein um...

Плоска тащит свою плоску, Перепончатый берет топор, Голубоглазый хватается Микой, и Ганнибал с криком бросается на него, впивается зубами ему в щеку, Мика изгибается, оглядывается, чтобы увидеть Ганнибала, – Голубоглазый поднял ее за обе руки, она висит, не доставая ногами до пола.

– Мика! Мика!

Крик прозвенел по всем каменным коридорам замка, и граф Лектер с леди Мурасаки вбежали в комнату Ганниба-

ла. Мальчик разорвал зубами подушку, перья летали по всей комнате. Ганнибал рычал и визжал, метался из стороны в сторону, пытался драться, скрипел зубами. Граф Лектер лег на него всем телом и стянул ему руки одеялом.

– Тише, тише! – приговаривал он.

Боясь, что Ганнибал прикусит себе язык, леди Мурасаки сорвала пояс со своего кимоно, пальцами зажала мальчику нос, так что он был вынужден открыть рот, и просунула пояс ему между зубами.

Он вздрогнул и затих – так умирает птица. Кимоно леди Мурасаки распахнулось, она прижала голову Ганнибала к груди и держала ее так, чувствуя на обнаженной коже его лицо, мокрое от гневных слез, с прилипшими к щекам перьями от подушки.

Но вопрос свой она задала графу:

– Ну как ты, в порядке?

Ганнибал поднялся рано, умыл лицо – на ночном столике стояли кувшин с водой и умывальный таз. В воде плавало одинокое перышко. Прошедшая ночь помнилась ему смутно и путано.

За спиной Ганнибал услышал шорох бумаги о каменный пол: под дверь просунули конверт. К записке была приколата веточка красной ивы. Прежде чем прочесть записку, Ганнибал поднес листок бумаги к лицу, держа его в сложенных ковшиком ладонях.

Ганнибал!

Я буду чрезвычайно рада, если ты наведишь меня в моей гостиной в час Козерога. (Во Франции это 10 часов утра.)

Мурасаки Сикибу

Ганнибал Лектер, тринадцати лет от роду, с приглаженными с помощью воды волосами, остановился перед закрытой дверью гостиной. Он услышал лютню. Это была другая мелодия, не та, которую он слышал из банного домика. Он постучал.

– Входи.

Он вошел в помещение, удачно сочетавшее в себе рабочую комнату и гостиную, с пяльцами для шитья, поставленными у самого окна, и мольбертом для занятий каллиграфии-

ей.

Леди Мурасаки сидела у низенького чайного столика. Ее волосы были уложены в высокую прическу и заколоты эбонитовыми шпильками. Рукава ее кимоно шелестели: она ставила в вазу цветы.

Вежливость, хорошие манеры, присущие разным культурам, вполне уживаются между собой, поскольку цель у них одна. Леди Мурасаки приветствовала Ганнибала, склонив голову медленным, грациозным движением.

А Ганнибал поклонился ей, согнувшись в поясе, как учил его отец. Он заметил, как голубоватые колечки дыма от курящихся благовоний проплыли на фоне окна, словно пролетевшая вдали стайка птиц, заметил и голубую жилку на внутренней стороне руки леди Мурасаки, державшей цветок, и то, как розово светилось ее ухо, просвеченное солнцем. Лютня Чио тихо звучала из-за скрывавшей девушку ширмы.

Леди Мурасаки пригласила Ганнибала сесть напротив нее. Голос ее – приятный альт, в котором порой слышались нотки, несвойственные европейской гамме. Для Ганнибала ее речь звучала словно музыка, порой улавливаемая в дыхании ветра.

– Если не хочешь разговаривать по-французски, по-английски или по-итальянски, мы могли бы пользоваться какими-нибудь японскими словами, например «кюзеру». Оно означает «исчезать».

Она взяла несколько цветов с циновки, лежавшей подле

нее, опустила стебель в вазу и взглянула Ганнибалу в глаза.

– Мой мир – мир Хиросимы – вспыхнул и исчез в одно мгновение. Твой мир тоже был вырван из твоих рук. Теперь у нас с тобой есть мир, который мы творим сами – вместе. В этот самый момент. В этой самой комнате.

Она взяла с циновки еще цветов и положила на столик рядом с вазой. Ганнибалу был слышен шелест их листьев и шуршание шелкового рукава, когда она протянула ему цветы.

– Ганнибал, куда бы ты поставил эти цветы, чтобы создать наилучший эффект? Ставь куда хочешь.

Ганнибал рассматривал цветы.

– Когда ты был совсем маленьким, твой отец присылал нам твои рисунки. У тебя многообещающе верный глаз. Если ты предпочитаешь сначала сделать набросок букета, можешь воспользоваться блокнотом – он лежит рядом.

Ганнибал размышлял. Он выбрал два цветка и взял нож. Ему были видны арки окон, изгиб камина, где над огнем висел сосуд, в котором кипятили воду для чая. Он обрезал стебли покороче и поставил цветы в вазу так, чтобы создать вектор, гармонирующий и с букетом, и с самой комнатой. Отрезанные стебли он положил на столик.

Леди Мурасаки выглядела довольной.

– Ах-х-х! Мы назовем этот стиль «морибана» – «наклонный стиль». – И она вложила ему в руки тяжелый шелковистый цветок пиона. – Но куда бы ты поставил этот? Если во-

обще захочешь найти ему применение...

В камине забурлил сосуд с водой – вода закипела. Ганнибал услышал бульканье, услышал, как закипела вода, взглянул на поверхность кипящей воды... Лицо его вдруг изменилось, комната исчезла.

...Ванночка Мики на плите в охотничьем домике, рогатый череп олененка бьется о борта ванночки в бурлящей воде, словно силится прободать себе путь прочь оттуда. В ванночке погромыхивают кости – их подбрасывает кипящая вода.

Но он приходит в себя. Он в комнате леди Мурасаки, венчик пиона, весь залитый кровью, падает на столик, рядом с ним со стуком падает нож. Ганнибал, овладев собой, поднимается, пряча за спину кровоточащую руку. Поклонившись леди Мурасаки, он направляется к двери.

– Ганнибал!

Он уже открыл дверь.

– Ганнибал!

Она быстро поднялась с места и подошла совсем близко. Протянула к нему руку, пристально глядя в глаза мальчику, но не прикасаясь к нему, поманила пальцами обратно в комнату. Потом взяла его раненую руку; только его глаза отреагировали на это прикосновение: чуть изменился размер зрачков.

– Придется наложить швы. Серж может отвезти нас в город.

Ганнибал помотал головой и подбородком указал на пальцы. Леди Мурасаки вглядывалась в его лицо, пока не обрела уверенность.

– Чио, прокипяти иглу и нитку!

В ярком свете, льющемся из окна, Чио подала леди Мурасаки вытащенные из кипящей воды иглу и нить, намотанную на эбонитовую шпильку, – от них еще поднимался пар. Леди Мурасаки крепко держала руку Ганнибала, накладывая швы на пораненный палец: шесть аккуратных швов. Капли крови падали на ее белое кимоно. Пока она работала, Ганнибал не сводил с нее глаз. Казалось, он не реагирует на боль. Похоже было, что он думает о чем-то другом.

...Он смотрел, как затягивается нитка, разматывающаяся со шпильки. Изгиб игольного ушка есть функция от диаметра шпильки, думал он. Страницы трактата Гюйгенса, рассыпанные на снегу, прилипали к мозгам учителя Якова...

Чио приложила к пальцу листок алоэ, а леди Мурасаки его забинтовала. Когда она отпустила руку Ганнибала, он вернулся к чайному столику, взял пион и подрезал стебель. Затем поместил цветок в вазу, завершив элегантный букет. Повернулся лицом к леди Мурасаки и Чио.

По лицу его прошло какое-то движение, словно дрогнула поверхность воды, и он попытался произнести «Спасибо». Она вознаградила его усилия чуть заметной, но прекраснейшей из всех на свете улыбок, однако не позволила ему слишком долго стараться.

– Ты не пойдешь ли со мной, Ганнибал? Не сможешь мне отнести цветы?

Вместе они поднялись по лестнице, ведущей на чердак.

Дверь чердака раньше явно служила какому-то другому помещению замка: на ее панели красовалась резанная по дереву греческая комедийная маска. Леди Мурасаки, неся лампу со вставленной под стекло свечой, пошла впереди, в самый конец обширного чердачного помещения, мимо скопившейся за три сотни лет коллекции чердачных вещей – сундуков, чемоданов, рождественских украшений, фигурок для украшения газонов, соломенной мебели, костюмов для театров Кабуки и Но и целой галереи марионеток в натуральную величину – для всяческих празднеств. Марионетки висели на специальной перекладине.

Слабый свет пробивался по краям шторы затемнения, закрывавшей чердачное окно, расположенное в дальнем конце помещения. Лампа леди Мурасаки осветила небольшой алтарь и полочку с изображением божества напротив окна. На алтаре стояли фотографии предков леди Мурасаки и Ганнибала. Вокруг фотографий располагалась целая стая журавликов, сложенных из бумаги, – их было очень много. Здесь

же стояла свадебная фотография родителей Ганнибала. Он пристально вглядывался в лица отца и матери при свете свечи. Мама выглядела очень счастливой. И не было пламени на маминой одежде – горела только его свеча.

Ганнибал вдруг ощутил чье-то присутствие рядом и выше себя и стал вглядываться во тьму. Леди Мурасаки подняла штору затемнения на чердачном окне, и утренний свет озарил Ганнибала и темную фигуру рядом с ним, поднялся по ее одетым в броню ногам, к боевому вееру ¹⁵, зажатому в рукавицах, к нагруднику и – наконец – к железной маске и рогатому шлему командира самураев. Доспехи были установлены на помосте, а перед помостом, на специальном стенде, располагалось оружие самурая – большой и малый мечи, кинжал танто и боевой топор.

– Давай-ка поставим цветы сюда, Ганнибал, – сказала леди Мурасаки, освобождая на алтаре место перед фотографиями его родителей. – Здесь я молюсь о тебе и очень тебе советую тоже о себе молиться и просить духов твоих близких помочь тебе обрести мудрость и силу.

Ганнибал из вежливости на минуту склонил перед алтарем голову, но его одолевала тяга к доспехам, он физически ощущал их присутствие рядом с собой. Он подошел к стенду – потрогать оружие. Леди Мурасаки остановила его, подняв

¹⁵ Боевой веер – тяжелый стальной веер, служивший не только знаком воинского (в данном случае – высокого) ранга, но и боевым оружием самурая. Был распространен лишь в Японии.

руку.

– Эти доспехи стояли в здании посольства в Париже, еще до войны, когда мой отец был послом Японии во Франции. Нам удалось спрятать их от немцев. Я касаюсь их лишь один раз в год – в день рождения моего прапрапрадеда. В этот день мне выпадает честь почистить его доспехи и оружие и протереть их маслом камелии и гвоздики. Запах прелестный.

Она вынула пробку из флакона и предложила ему понюхать.

На попире перед доспехами лежал свиток. Он был развернут совсем чуть-чуть, виден был только первый рисунок: самурай в этих самых доспехах, принимающий своих вассалов. Пока леди Мурасаки переставляла предметы на полочке с изображением божества, Ганнибал развернул свиток чуть больше. Открылся следующий рисунок, где самурай в доспехах председательствует на демонстрации отрубленных самураями вражеских голов. Каждая голова снабжена ярлыком с именем погибшего; ярлык прикреплен к волосам или, если покойник лыс, привязан к уху.

Леди Мурасаки мягко взяла свиток из рук Ганнибала и снова свернула его так, что стал виден только ее предок в доспехах.

– Это после битвы за крепость Осака, – пояснила она. – Есть еще свитки, более подходящие, они будут тебе интересны. Ганнибал, твой дядя и я были бы очень рады, если бы ты стал таким же замечательным человеком, каким был твой

отец, каков твой дядя.

Ганнибал взглянул на доспехи. В глазах его светился вопрос.

Она прочла этот вопрос и ответила:

– Как он – тоже? Кое в чем, только гораздо более человеческим, способным на сочувствие. – Она бросила взгляд на доспехи, словно ее предок мог ее услышать, и улыбнулась Ганнибалу. – Но в его присутствии я никогда не произнесла бы этого по-японски. – Она подошла поближе, по-прежнему держа в руке лампу со свечой. – Ганнибал, теперь ты можешь покинуть страну кошмара. Ты можешь стать кем только пожелаешь. Взойди на мост Грез. Пойдешь со мной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.